

2024

Экономика и управление: теория и

ОТРАСЛЕВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
СИСТЕМЫ

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В
ЭКОНОМИКЕ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»

ISSN 2412-8376

2024

Т. 10 № 4

Выходит 4 раза в год

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Издается с сентября
2015 года

ECONOMY AND MANAGEMENT: THEORY AND PRACTICE

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Volume 10 • No 4 • 2024

Отраслевые и региональные экономические системы

Финансы, денежное обращение и кредит

Инновационное развитие

*Математические и инструментальные методы управления в
экономике*

Branch and regional economic systems

Finance, money circulation and credit

Innovative development

Mathematical and tool methods of economy

Учредитель и издатель:

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Главный редактор

Пискун Е.И., д-р экон. наук, доцент

Ответственный секретарь – Хохлов В.В., канд. техн. наук, доцент.

Редакционный совет:

Суслов В.И., член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор (г. Новосибирск);
Антонюк В.С., д-р экон. наук, профессор (г. Челябинск); Байзаков Сайлау, д-р экон. наук,
профессор (г. Астана, Казахстан); Банникова Н.В., д-р экон. наук, профессор
(г. Ставрополь); Богачкова Л.Ю., д-р экон. наук, профессор (г. Волгоград);
Вачков Стефан, д-р экон. наук, профессор (г. Варна, Болгария); Вечкинзова Е.А., канд.
экон. наук, доцент, (г. Москва); Данилова О.В., д-р экон. наук, профессор (г. Москва);
Карп М.В., д-р экон. наук, профессор (г. Москва); Лавровский Б.Л., д-р экон. наук,
профессор (г. Новосибирск); Логунова Н.А., д-р экон. наук, доцент (г. Керчь);
Митрофанова И.В., д-р экон. наук, профессор (г. Ростов-на-Дону); Нижегородцев Р.М.,
д-р экон. наук, профессор (г. Москва); Санкова Л.В., д-р экон. наук, профессор
(г. Саратов); Санько Г.Г., д-р экон. наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь);
Симченко Н.А., д-р экон. наук, профессор (г. Симферополь); Чужмарова С.И. д-р экон.
наук, доцент (г. Сыктывкар); Шаховская Л.С., д-р экон. наук, профессор (г. Волгоград);
Яшина Н.И. д-р экон. наук, профессор (г. Нижний Новгород).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64119 от 25.12.2015
г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание рассчитано на научных работников, аспирантов, студентов. Сборник выходит 4 раза в
год.

*Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук», рекомендованный Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.*

Сборник включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ):
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56628.

Подписной индекс 33322. Свободная цена. 12+

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Т. 10 • № 4 • 2024

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Отраслевые и региональные экономические системы

Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Лопатина Т.А., Пунга Д.В. Особенности экономического развития города Севастополь перед Крымской войной и их актуальность в современных условиях	5
Гаджиев М.М., Магомедова М.А. Сущность цифровой трансформации экономики региона	21
Гундорова М.А. Анализ динамики результатов формирования человеческих ресурсов в регионах РФ в период перехода к инновационной экономике	32
Котляров И. Д. Платформенная трансформация и сервисизация: взаимосвязь тенденций развития экономики	40
Скараник С.С. Развитие автомобильного туризма в России: актуальные проблемы и тенденции	48
Щербакова С.А., Швец Е.А. Креативные индустрии как новый социально-экономический тренд в Российской Федерации	57
Сведения об авторах	72

ECONOMY AND MANAGEMENT: THEORY AND PRACTICE

Vol. 10 • No 4 • 2024

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

CONTENTS

Branch and regional economic systems

Baranov A.G., Garmashova E.P., Lopatina T.A., Punga D.V. The economic development features of Sevastopol prior to the Crimean War and their relevance in today's context.....	5
Gadzhiev M. M., Magomedova M. A. Nature of digital transformation of regional economy	21
Gundorova M.A. Analysis of the dynamics of the results of the formation of human resources in the regions of the Russian Federation during the transition to an innovative economy	32
Kotliarov I. D. Platform transformation and servitization: the relationship of trends of economic development	40
Skaranik S.S. The development of automobile tourism in Russia: current problems and trends	48
Shcherbakova S.A., E.A. Shvets. Digital development of the agro-industrial complex of the Russian Federation	57
Information about authors	72

УДК 338(091)

Особенности экономического развития города Севастополь перед Крымской войной и их актуальность в современных условиях

А.Г. Баранов¹, Е.П. Гармашова², Т.А. Лопатина³, Д.В. Пунга⁴^{1,2,3,4}Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299053, Россия¹ agbaranov@mail.sevsu.ru, ² epgarmashova@mail.sevsu.ru, ³ talopatina@mail.sevsu.ru, ⁴ dvpunga@mail.sevsu.ru

Статья поступила 25.11.2024

Аннотация

Статья посвящена исследованию экономического развития города Севастополь в первой половине XIX века. Цель данного исследования заключалась в характеристике ключевых особенностей экономического развития города Севастополь перед Крымской войной (1853-1856 гг.) и их значимости в современных условиях. Для этого в статье была исследована структура и динамика численности населения города. Было выявлено, что в структуре населения Севастополя в 1850 году доля военного населения составляла более 80%. При этом наблюдалась положительная динамика прироста численности населения за счет межрегиональных миграционных процессов. Также в статье были изучены условия труда и жизни населения города, проанализированы особенности развития сельского хозяйства, среди которых были выявлены непривычный для населения климат, дефицит пресной воды и плодородных почв. В результате, растениеводство было в основном представлено садоводством и виноградарством, которые развивались в пригородах города. Что касается животноводства, то его развитие осложнялось высокой ценой фуража. В промышленности Севастополя первой половины XIX века основными отраслями были судоремонт и судостроение. В связи с тем, что местное сельскохозяйственное и промышленное производство не могло полностью покрыть потребности города в товарах первой необходимости, большая часть товаров была привозной. Удаленность города от других регионов России, закрытие Севастопольского торгового порта в 1804 году и карантинные мероприятия в 1820-х гг. затрудняли поставки товаров и способствовали усилению дефицита, спекуляциям и росту цен в городе. Таким образом, как показывает история развития Севастополя, в экономике города должна быть заложена способность быстрой ее адаптации под требования военного времени. Для решения этой задачи необходимо учитывать, в том числе, выявленные в статье особенности, которые продолжают оставаться актуальными.

Ключевые слова: экономическая история, Севастополь, сельское хозяйство, промышленность, торговля

JELcodes: N93

The economic development features of Sevastopol prior to the Crimean War and their relevance in today's context

A.G. Baranov¹, E.P. Garmashova², T.A. Lopatina³, D.V. Punga⁴^{1,2,3,4}Sevastopol State University, Sevastopol, 299053, Russian Federation¹ agbaranov@mail.sevsu.ru, ² epgarmashova@mail.sevsu.ru, ³ talopatina@mail.sevsu.ru, ⁴ dvpunga@mail.sevsu.ru

Received 25.11.2024

Abstract

The article is devoted to the study of the economic development of Sevastopol city in the first half of the 19th century. The purpose of this study was to characterize the key features of the economic development of Sevastopol city before the Crimean War (1853-1856). The article gives a clear-cut presentation of the structure and dynamics of the city's population. It was revealed that in 1850 the share of the military population of Sevastopol city was more than 80%. At the same time, there was a positive dynamics of population growth due to interregional migration processes. The article also studied the living and working conditions of the city's population and the features of agricultural development, among

which an unusual climate, a shortage of fresh water and fertile soils were identified. As a result, crop production was mainly represented by horticulture and viticulture, which developed in the suburbs of the city. As for livestock farming, its development was complicated by the high price of fodder. The Sevastopol industry of the first half of the 19th century was represented by ship repair and shipbuilding. Due to the fact that local agricultural and industrial production could not fully cover the city's needs for essential goods, most of them were imported. The city's remoteness from other regions of Russia, the closure of the Sevastopol commercial port in 1804 and quarantine measures in the 1820s hampered the supply of goods and contributed to increased shortages, speculation and rising prices in the city. Thus, the history of Sevastopol shows, the city's economy must have the ability to quickly adapt to wartime requirements. In our opinion, to solve this problem it is necessary to take into account the features identified in the article, which continue to remain relevant.

Keywords: economic history, Sevastopol, agriculture, industry, trade

Введение

К концу XVIII века город Севастополь представлял собой динамично развивающийся населенный пункт, экономика которого была ориентирована на обслуживание военной крепости и Черноморского флота. В связи с этим в структуре населения города Севастополя значительную долю составляло мужское население, состоящее на военной службе (около 90%). На рубеже веков Севастопольское адмиралтейство Морского ведомства было единственным крупным предприятием города, в связи с чем, в промышленности города выделились две отрасли специализации, а именно: судоремонтная и судостроительная. Ввиду слабого развития сельского хозяйства и отраслей гражданской промышленности существенную роль в городе играла торговля. В данной работе будет продолжено исследование экономики Севастополя и изучены ключевые особенности развития города в первой половине XIX века.

Анализ последних исследований и публикаций

Отдельным аспектам экономической истории города Севастополь XIX века посвящены работы следующих авторов: В.В. Коваленко, А.А. Фесенко, В.Н. Прокопенков, Л. Левченко, А.И. Неделин, Е.В. Тарле [1, 2, 3, 4, 5].

В основу данной работы были положены статистические данные и материалы российских периодических изданий XIX века, а именно: «Журнал Министерства внутренних дел», «Военно-статистическое

обозрение Российской Империи», «Морской сборник», «Русский архив». Кроме того, анализ хозяйственной жизни города был проведен с использованием монографических трудов, связанных с историей Севастополя, и воспоминаний В.Б. Броневского, В.Ф. Головачева, А.П. Протопопова, О.П. Шишкиной [6, 7, 8, 9].

Данные и методы

Целью данной статьи является характеристика ключевых особенностей экономического развития города Севастополь перед Крымской войной и их значимости в современных условиях. Цель достигается решением следующих задач:

Исследовать структуру и динамику естественного прироста населения города.

Изучить условия труда и жизни населения города.

Проанализировать особенности развития сельского хозяйства и обеспечения продовольствием населения города.

Охарактеризовать динамику промышленного производства.

Выявить характерные черты развития торговли в городе.

Актуализировать значимости ключевых особенностей историко-экономического процесса развития Севастополя в современных условиях.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе будут применяться различные методы исследования, такие как историко-сравнительный, структурный, статистический, экономико-математический и абстрактно-логический. Каждый из этих методов имеет свою область применения и

играет важную роль в обработке, систематизации и обобщении информации. Историко-сравнительный метод позволит сопоставить факты и выявить особенности региональных процессов. Применение структурного метода обусловлено сложностью объекта анализа и необходимостью разделить его на составляющие элементы. Статистический и экономико-математический методы помогут оценить динамику социально-экономических процессов и определить тенденции развития экономики города. Абстрактно-логический метод будет применяться для обобщения, синтеза и интеграции результатов исследования. Метод исторической аналогии применялся для актуализации значимости изученных особенностей развития города в современных условиях.

Результаты исследования

Исследование развития города как экономической системы требует, в первую очередь, изучения следующих элементов (подсистем): население и условия жизни, государственное управление экономикой и бюджет города, отраслевая структура экономики (сельское хозяйство, промышленность, торговля и городская инфраструктура). Изучение данных элементов экономической системы Севастополя позволило выявить следующие ключевые особенности развития города перед Крымской войной: преобладание доли военного населения и отрицательный естественный прирост гражданского населения города, достаточно тяжелые условия труда и жизни в городе, неблагоприятные условия для развития сельского хозяйства и недостаток продовольствия, медленное развитие промышленного производства, спекулятивный характер внутренней торговли.

1. Преобладание численности военного населения и отрицательный естественный прирост гражданского населения города

Основание Севастополя как исключительно военного города предопределило на долгие годы наличие в нем специфической структуры населения. Вследствие того, что Севастополь играл роль южного форпоста Российской империи, численность военного населения значительно превышала гражданское, а соответственно численность мужского населения значительно превышала численность женского, что в свою очередь, обусловило низкий уровень рождаемости. Кроме того, следует отметить, что гражданское население было занято только в отраслях, связанных с обслуживанием военной инфраструктуры города.

На основании изучения ряда разрозненных источников, можно с уверенностью сказать, что в течение первых 70 лет с момента основания города структура населения не претерпевала принципиальных изменений. Так, численность военного населения в 1815 году составляла до 20 тыс. чел. [6, с. 8], в 1822 году – до 25 тыс. чел. [10, с. 34], в 1839 году – 32661 чел. [11, с. 240], в 1846 году – около 31 тыс. чел [12]. А численность отдельных категорий гражданского населения в 1822 году составляла до 500 чел (мещане и купцы) [10, с. 34], в 1839 год – 597 чел. (мещане и купцы) [11, с. 240]. В рассматриваемый период рост численности гражданского населения Севастополя связан в основном с притоком жителей из соседних губерний, привлекаемых к строительным работам, переселением ремесленников и торговцев, а также оседанием отставных военных с семьями.

В таблице 1 представлена подробная информация о динамике и структуре населения города Севастополь в 1848 и 1850 гг.

Таблица 1. Динамика и структура населения города Севастополь в 1848 и 1850 гг., чел.

Население	1848 год			1850 год		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
1. Духовенство						
Священнослужители	17	13	30	18	13	31
Церковнослужители	5	4	9	3	2	5
Их дети	21	22	43	15	12	27
2. Служащие военного ведомства						
Генералы	14	9	23	12	5	17
Штаб-офицеры	153	86	239	142	71	213
Обер-офицеры	782	157	939	607	162	769
Их дети	277	303	580	223	230	453
3. Служащие гражданского ведомства						
От 5 класса и выше	1	1	2	1	1	2
Штаб-офицеры	43	20	63	33	20	53
Обер-офицеры	188	102	290	150	91	241
Служащие, не имеющие 14 класса	5	2	7	7	2	9
Их дети	118	165	283	108	137	245
4. Отставные военного ведомства						
Генералы	1	0	1	2	1	3
Штаб-офицеры	20	11	31	21	12	33
Обер-офицеры	27	12	39	29	12	41
Их дети	26	22	48	29	23	52
5. Отставные гражданского ведомства						
Штаб-офицеров	5	3	8	6	4	10
Обер-офицеров	22	9	31	24	11	35
Их дети	7	9	16	11	12	23
6. Почетные граждане						
7. Актеры и театральные служители	18	11	29	8	5	13
8. Купцы						
Местные купцы 1 гильдии	2	1	3	2	2	4
Местные купцы 2 гильдии	3	2	5	7	5	12
Местные купцы 3 гильдии	35	3	38	53	40	93
Иногородные купцы 1 гильдии	н/д	н/д	н/д	2	1	3
Иногородные купцы 2 гильдии	н/д	н/д	н/д	5	3	8
Иногородные купцы 3 гильдии	32	5	37	45	17	62
Иностранные купеческие дети	10	0	10	н/д	н/д	н/д
9. Мещане						
Местные мещане	284	187	471	293	197	490
Иногородные мещане	55	13	68	69	20	89
Вечноцеховые (ремесленники)	4	1	5	4	1	5
10. Иностранцы						
	н/д	н/д	н/д	19	2	21
11. Нижние военные чины						
Служащие	27641	2054	29695	30431	2262	32693
Их дети	1122	1085	2207	1132	969	2101
Кантониисты	263	0	263	290	0	290
Отставные	395	207	602	393	207	600
Солдаты, проживающие по паспортам	10	0	10	н/д	н/д	н/д
Вольноотпущенные и не приписанные ни к какому званию	5	4	9	9	10	19

Население	1848 год			1850 год		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
12. Дворовые						
Дворовые, служащие при домах господ	202	136	338	217	145	362
Дворовые, проживающие по паспортам	32	29	61	31	25	56
13. Крестьяне						
Казенные крестьяне	3085	60	3145	3041	65	3106
Удельные крестьяне	499	9	508	487	13	500
Помещичьи крестьяне	2173	72	2245	2112	61	2173
14. Колонисты	34	29	63	48	34	82
ИТОГО	37637	4859	42496	40140	4906	45046

Систематизировано на основе: [13, с. 219-221; 10, с. 40-41]

Анализ данных таблицы показал, что население Севастополя с 1848 по 1850 год выросло на 2550 чел. или на 6%. При этом численность военного населения выросла на 2598 чел. или на 7,5%, а численность гражданского населения снизилась на 48 чел. или на 0,61%. В структуре населения Севастополя в 1848 году доля военного населения составляла 81,62%, а к 1850 году изменилась незначительно и составила 82,77%.

Значения абсолютных показателей, которые характеризуют естественную рождаемость и смертность, подтверждают влияние военной роли города на демографическую ситуацию в нем. Данные по первой половине XIX века свидетельствуют о превышении уровня смертности над рождаемостью: в 1839 году в городе родилось 729 детей (из них 380 – мужского пола, 349 – женского), умерло в том же году 3570 человек (из них 3327 мужчин и 243 женщины) [10, с. 241]. Ситуация не менялась и к концу 40-х годов. Так в 1848 года в Севастополе родилось 926 детей (из них 465 – мужского пола, 461 – женского), а умерло 1460 человек (из них 1118 – мужчина и 292 женщины) [13, с. 221]. Но следует отметить, что летом 1848 года в Севастополе имела место холерная эпидемия, которая унесла 958 жизней из 2530 заболевших [14, с. 323]. Другими причинами смерти населения в исследуемом периоде оставались простудные заболевания, чахотка, горячка, сухота,

лихорадка, желудочно-кишечные инфекции. Также высока была младенческая смертность [15].

2. Тяжелые условия труда и жизни в городе

Активное становление города в первой половине XIX века требовало значительных трудовых и материальных затрат. При этом сама трудовая деятельность гражданского и военного населения города осуществлялась в тяжелых условиях, таких как: специфический (для населения центральной части России) климат, нехватка пресной воды, плохие жилищные и бытовые условия, низкий уровень технической оснащенности, дефицит и высокие цены на потребительские товары, низкое качество продовольствия, высокая продолжительность рабочего дня, низкая заработная плата нижних чинов и прочее.

Особые климатические условия Севастополя, для которых характерны высокая влажность и морские ветры, осложняли условия труда и жизни как гражданского населения, так и военных, которые в основном прибывали в город из других регионов Российской Империи. Морской климат вызывал отсыревание домов и служил причиной возникновения острых респираторных заболеваний, которые в то время повышали смертность даже молодого населения. Более того, в подобных условиях у людей более старшего поколения обострились хронические заболевания [15].

Значительная часть гражданского населения города (по большей части бедного) проживала по берегам Корабельной, Артиллерийской бухт, в Каторжной слободке (в конце Южной бухты) и на центральном холме (в народе – «Хребет беззакония»). По воспоминаниям современников некоторые дома больше походили на полупещеры или землянки [2, с. 168].

Как уже было сказано выше, население Севастополя испытывало крайнюю нехватку пресной воды. Это отмечается в документах и городских планах времен царствования Николая I. В 1826 году при наличии около 2 тыс. каменных строений в Севастополе был один колодец, обеспечивающий их. Флот в свою очередь снабжался зачастую соленой и неочищенной водой из колодцев по периметру бухт [7, с. 230-235].

Из-за отсутствия благоприятных для земледелия территорий и пресной воды население города практически не занималось сельским хозяйством. В результате, рыболовство, а также добыча устриц и мидий были источником пропитания населения. Вследствие отдаленности города и плохих дорог продукты, необходимые для поддержания должного уровня жизни, поступали в город не пропорционально объемам их потребления [10, с. 33-34]. Населению приходилось приобретать все необходимое у третьих лиц (спекулянтов) по завышенным ценам.

Что касается военных, то их служба осложнялась тем, что они недоедали или питались некачественными продуктами, вследствие чего наблюдались частые кишечные болезни [16, с. 1587-1588]. По воспоминаниям мичмана Дмитрия Броневского, порционные деньги выплачивались военным только во время морских походов, а после прибытия в порт эти поступления прекращались. Соответственно, при средней зарплате нижним военным чинам (матросам) в размере 250 рублей в год, на проживание и пропитание в городе денег не хватало. Матросы вынуждены были жить в мазанках

и заниматься рыболовством с целью обеспечения себя пищей [2, с. 127-128].

С момента назначения 2 марта 1816 года А.С. Грейга главным командиром Черноморского флота и портов, особое внимание начало уделяться не только обновлению флота, но вопросам содержания матросов и офицеров. Ряд распоряжений А.С. Грейга были связаны с улучшением качества жизни во время службы, в том числе с обеспечением необходимым обмундированием и пищей. Так, по ходатайству А.С. Грейга командирам и офицерам были выделены «столовые» и увеличены «квартирные» выплаты [2, с. 136].

Отдельно следует рассмотреть проблему применения карантинных мер в городе в первой половине XIX века. Так, в мае 1828 г. в период русско-турецкой войны М.С. Воронцовым был издан приказ о формировании карантинного оцепления в Севастополе с целью нераспространения инфекций, которые могли быть ввезены в город на судах Черноморского флота. Несмотря на то что для карантинной стоянки была выделена отдельная бухта в районе Херсонеса, под карантин была оцеплена вся территория города. Поставки продовольствия сократились и условия содержания «сомнительных больных» на карантине становились все хуже. В сырых и холодных постройках (в пещерах или вырытых землянках, а часто просто на открытом пространстве) размещались все «потенциально больные», а также матросы, болеющие цингой и тифом [17, с. 29]. Подобные условия способствовали только ухудшению эпидемиологической ситуации в городе, в результате чего, в 1830-м году в городе произошел «чумной бунт», после которого поменялось руководство города и началась «Лазаревская эпоха».

С 17 февраля 1832 года М.П. Лазарев занял пост начальника штаба Черноморского флота, а с 31 декабря 1834 года он был утвержден на должность главного командира Черноморского флота и портов, а также был назначен Николаевским и Севастопольским военным губернатором. При нем было принято решение об

улучшении размещения матросов и других служащих. Началось возведение комплекса капитальных строений, в т.ч. морских казарм.

М.П. Лазарев в процессе строительства начал внедрять инструменты, позволяющие облегчить труд работников. Однако условия труда оставались тяжелыми: при сооружении тоннелей и Лазаревского водовода приходилось вручную пробивать скалы, работа велась круглосуточно, со сменой рабочих каждые 3 часа. Также в 1835 году при М.П. Лазареве началось строительство Нового Адмиралтейства. В первый год строительства было вывезено 2042,5 куб. сажень каменистого грунта. Всего на строительство портовых сооружений в 1837 году было привлечено порядка 30 тыс. человек. В работах были задействованы крепостные крестьяне, солдаты, матросы, и арестанты, которые восполняли нехватку «рабочих рук». Из-за каменистости почв практически всю работу приходилось выполнять вручную. Такую работу описывали как колоссальную и даже «египетскую» в связи с ее сложностью и объемами [1, с. 91]. Кроме того, рабочие лишались зрения из-за того, что постоянно находились в пыли [2, с.200].

Условия труда и жизни населения города являются одним из важнейших экономических факторов, которые влияют на показатели экономического развития такие как: производительность труда, объемы производства и численность населения. Как показывает история, тяжелые условия труда и жизни никогда не приводили к росту перечисленных выше показателей, а наоборот, снижали и вызывали социальную напряженность. Севастополь – не был исключением, что подтверждают события «чумного бунта», произошедшего в 1830 году [18].

3. Неблагоприятные условия для развития сельского хозяйства и дефицит продовольствия

Сосредоточенность сельского хозяйства в окрестностях города, а также отсутствие удобных путей сообщения, в том числе с крупными городами Российской Империи

(особенно в осенне-зимний период) приводили к дефициту продовольствия и являлись предпосылками к спекуляции и повышению цен в городе.

Так, купцы и мещане Севастополя 16 ноября 1822 года в своих требованиях о предоставлении городу льгот и выгод описывали ситуацию следующим образом: «в городской черте города нет земли ни лесной, ни сенокосной, да и хлебопашной весьма мало... дрова, сено и хлеб покупаются гражданами из отдаленных мест дорогими ценами» [10, с. 35-36].

Из-за отсутствия подножного корма на городской земле и дефицита воды, жители Севастополя не имели возможности содержать рогатый скот для «домашнего употребления». Для решения этой проблемы в 1807 году городу под выгон было отведено 14220 десятин земли [19, с. 18]. Но кардинальных улучшений не произошло и в городе наблюдался крайний недостаток «в съестных припасах..., который хотя и заменяется привозом с околичных деревень и хуторов, но дорогою ценою и с неудобством в перевозке с Северной стороны через рейдовую бухту» [10, с.35-36].

Среди товаров первой необходимости в первой половине XIX века по объемам потребления в Севастополе преобладали: говядина, пшеничная мука, пшеница, овес, хлебная водка, дрова [11, с. 257-258]. Для обеспечения продовольствием жителей города в течение 1839 года было убито 7315 быков, 532 коровы, молодых и старых баранов 8784, 113 телят, что в виде мясной продукции составляет 92036 пудов свежей говядины, 4724 пудов баранины, 84 пуда телятины. Рыбы жителями употреблялось относительно немного. Муки ржаной было употреблено 2513 кулей, пшеничной муки 4217 кулей, 3 711 четвертей пшеницы, хлебной водки 68000 ведер, дров 2537 сажень трехполенных [11, с. 257]. При этом, все равно ощущался дефицит продовольствия и товаров первой необходимости.

Уровень обеспеченности продовольствием жителей Балаклавы был

значительно выше, чем в Севастополе. В-первых, качество почв в Балаклаве было лучше, и семьи, имея достаточно большие участки земли, могли жить безбедно. Во-вторых, залив в Балаклаве изобилует рыбой и устрицами, а местные жители были искусными рыболовами. В результате рыбный промысел позволял местным жителям не только обеспечивать себя, но и получать значительную прибыль [6, с. 28].

Отраслями сельского хозяйства, которые активно развивались в этот период в Севастополе были виноградарство и садоводство. 19 июня 1832 года император Николай I утвердил положение Комитета министров «О раздаче излишних земель Севастопольского Адмиралтейства под садоводство и другие заведения». В результате территория между Херсонским маяком и Георгиевским монастырем была разделена на 160 участков для раздачи под виноградные и фруктовые сады с обязательством разведения их в течение 4-х лет. 148 участков было роздано 33-м чиновникам, купцам и мещанам, по 2-3 и более участков одному и тому же лицу. За это время было высажено 1 021 500 виноградных лоз сортов Крымский, Венгерский, Рейнский, Греческий, Французский [11, с. 273]. Кроме винограда было высажено 15 000 фруктовых деревьев миндаля, персиков, абрикосов, слив, яблок, груш, айвы, черешен, вишен и различных ореховых деревьев [11, с. 274].

Однако несмотря на то, что в окрестностях Севастополя были разбиты виноградники, они давали еще относительно невысокую урожайность. Так, на 1834 год урожай принес 16120 ведер, на 1835 год - 11600 ведер. Вино продавалось по 3 руб. до 3 руб. за 50 к. за ведро [20, с. 479].

Таким образом, в связи с удаленностью Севастополя от крупных российских городов, доставка продовольственных товаров была весьма затруднительна и сопряжена с большими издержками. В результате, поставки товаров производились в объемах, несоответствующих потребностям. В связи с этим, предпринимались шаги по развитию

сельского хозяйства, однако отсутствие плодородных почв и нехватка пресной воды препятствовали этому, и проблема дефицита продовольствия сохранялась.

4. Медленное развитие промышленного производства

Несмотря на то, что первая половина XIX века в России характеризуется массовым переходом от мануфактуры к фабрике, главным занятием жителей города являлось не производство, а различная поденная работа и мелкая торговля [11, с. 259]. Промышленность города Севастополя в первой половине XIX века была представлена как казенными предприятиями, так и частными ремесленными производствами следующих отраслей: судоремонт и судостроение, отрасль строительных материалов, пищевая (в том числе виноделие), столярная, кузнечная, легкая и обувная. Развивались также рыбный, извозный, яличный и другие промыслы. Кроме того, согласно статистическому учету того времени к промышленности относились частные лавки (питейные дома и погреба).

Отрасли судоремонта и судостроения были ведущими в городе. Предпосылками их развития в первой половине XIX века была острая потребность Черноморского флота в боевых и вспомогательных судах. При этом судостроение развивалось в основном в Херсоне и Николаеве. В связи с этим, Министерство морских сил предписало Адмиралу И.И. де Траверсе принять меры для постройки как можно большего количества судов. В результате, было принято решение активизировать судостроение в севастопольском Адмиралтействе Морского ведомства. Для этого был оборудован эллинг, обучены кадры и налажены поставки леса и других материалов.

Об объемах производства Адмиралтейства можно судить по динамике строительства кораблей. Первый корабль, 18-пушечный корвет «Крым», строился на протяжении 1,5 лет и был спущен на воду 13 января 1810 года. В последующие 5 лет на воду было спущено еще 2 корабля: бриг

«Мингрелия» и 24-пушечный корвет «Язон» [2, с.119, 130]. Еще через 3 года, 16 мая 1818 года в присутствии императора Александра I на воду была спущена шхуна «Севастополь» [2, с.119, 141]. Однако основной объем работ того периода в Адмиралтействе все равно приходился на судоремонт, а не на судостроение. Так, в 1817 году здесь отремонтировали 14 кораблей, 6 фрегатов, 12 других парусных судов и 120 различных плавсредств гребного флота [21, с. 138]. В 1820-х гг. при вице-адмирале А.С. Грейге, который был не только военным офицером, но и прекрасным инженером, на воду было спущено уже два десятка новых судов, самым известным из которых стал бриг «Меркурий». Руководил их постройкой корабельный мастер И.Я. Осминин [2, с.119, 145].

В период 1820-х гг. Адмиралтейство – главное предприятие Севастополя – начало активно расширяться. Численность рабочих в нем возросла до 760 человек. Кроме двух эллингов действовали специализированные мастерские: пильная, столярная, шлюпочная, мачтовая, весельная, блоковая, конопатная, фонарная, брандспойтная, парусная, малярная, кузнечная, котельная, слесарная (для исправления пушек), артиллерийская, такелажная. Появилась корабельная чертёжная, строились печь для пропаривания лесоматериалов новая большая кузница лесопилка и новая парусная мастерская [21, с.138; 8, с. 272].

В 1830-40-х гг. при вице-адмирале М.П. Лазареве на воду было спущено около 30 судов. За постройкой каждого корабля М.П. Лазарев следил лично. Под его руководством Черноморский флот постепенно становился лучшим в России [22, с.XIV]. В 1835 году начались работы по подготовке к строительству Нового адмиралтейства (ныне Севастопольский Морской завод имени Серго Орджоникидзе) и сухих доков, которые завершились только в 1853 году [2, с.119, 205]. Само Новое адмиралтейство было заложено 4 октября 1840 года на полуострове между Южной и Корабельной бухтами. В 1845 году в Адмиралтействе завершили строительство

Мортонова эллинга, который функционировал более 100 лет и служил для подъема на сушу небольших судов и выполнения ремонтных работ подводной части. Путешественница в 1845 году так описывала строительство Нового адмиралтейства: «Всюду продолжают работать, кладут стены, срывают горы... Мы несколько минут стояли у машины, которой бьют сваи. Шесть человек, поднимают и опускают, между двумя деревянными столбами, чугунную бабу, в 35 пудов, вертя на колесе канат» [9, с. 141]. В результате Новое адмиралтейство, названное Лазаревским, представляло собой полный комплекс различных мастерских и доков, необходимых для сооружения и ремонта кораблей. Построенные по последнему слову техники, севастопольские доки считались в то время верхом инженерного мастерства.

Кроме Адмиралтейства, в начале XIX в. в Севастополе действовало три кожевенных завода, 3 свечных, 3 сальных завода, водочный и пивоваренный завод Шаховской; функционировала ветряная мельница, две кузницы и 202 торговых заведения [1, с. 55].

В 1812-1813 гг. в Инкермане был построен новый казенный завод – селитренный. На данном заводе производили порох. Однако из-за отсутствия местного сырья завод просуществовал относительно недолго. В 1827 году на Бельбеке был построен кирпично-черепичный завод. В Инкермане была налажена добыча мшанкового известняка и глины.

В 1839 году в Севастополе был учрежден цех разных ремесленников. В Положении о создании данного цеха говорилось, что «под именем цеха разумеются занятия, имеющие предметом обрабатывание вещей посредством ручной работы» [23]. В 1839 году период в городе насчитывалось 449 цеховых ремесленника, в том числе: портных 75 чел., сапожников 13 чел., кузнецов 37 чел., оловянщиков 3 чел., слесарей 15 чел., каменщиков 85 чел., плотников 93 чел., столяров 74 чел., моляров

13 чел., печников 37 чел., серебряников 5 чел., часовых мастеров 3 чел [11, с.258-259].

Правительство предпринимало меры для усиления торгово-промышленного и ремесленного развития Севастополя. На 1838-1848 годы купеческие и ремесленные повинности для Севастополя, особенно для тех, кто строил здесь свои дома, были значительно снижены. Например, купцы, которые устраивали в Севастополе заводы или фабрики, совершенно освобождались от повинностей в течение десяти лет [10, с. 37]. В результате количество лавок в городе выросло с 179 в 1839 году до 188 в 1848 году (таблица 2) [11, с. 255].

Таблица 2. *Объекты промышленности города Севастополь в 1848 году*

Объектов промышленности	Количество
Лавок, в том числе, ед.:	188
– погребов с виноградными винами	40
– питейных домов	31
Ремесленников, чел.:	
– портных	88
– сапожников	16
– кузнецов	7
– столяров	38

Источник: [13, с. 221]

К началу 1850-х гг. в Севастополе, согласно отчету полицмейстера, было уже 109 портных, 30 сапожников, 81 столяр. Также в городе функционировало 214 лавок, в том числе 21 лавка с мануфактурными изделиями, 9 хлебных, 43 бакалейные лавки, 41 лавка с черными товарами, 5 трактиров, 59 погребов с вином, 29 питейных домов, 7 мясных домов [10, с.39].

Таким образом, в первой половине XIX века казенная промышленность города Севастополя была представлена достаточно крупным адмиралтейством, а также каменными карьерами, кирпичным и известковым заводами, хлебопекарными и сахарным заводами для нужд флота и крепости. Частные ремесленные производства (кожевенные, свечные, мыловаренные, пивоваренные) были по-прежнему небольшими. Промыслы (рыбный, извозный, яличный) – также носили в основном местных характер.

5. Спекулятивный характер внутренней торговли

Одной из главных особенностей развития торговых отношений в Севастополе в течение всей первой половины XIX века является спекулятивный характер внутренней торговли, причиной которого был дефицит продовольственных и промышленных товаров. Немалое влияние на спекуляции в сфере обращения оказало закрытие Севастопольского порта в 1804 году. Это позволило торговцам воспользоваться дефицитом и завышать цены на свои товары.

Руководство города прилагало усилия к тому, чтобы улучшить снабжение и тем самым снизить цены. В 1805 году адмирал И.И. де Траверсе подает министру внутренних дел представление, в котором просит посодействовать в предоставлении городу льгот от уплаты податей, предоставлении земель для выгона и устройстве торгового предместья на Северной стороне города в целях развития торговых отношений с близлежащими районам. Однако император Александр I, получив представление, заявил об отсутствии у него намерений предоставлять Севастополю льготы наравне с купеческими городами Российской Империи [2, с. 102]. В 1807 году адмирал И.И. де Траверсе попросил дозволения доставлять товары в Севастополь иностранными судами. Он отмечал, что «по дурному состоянию промышленности у главного населения в Крыму – татар, ценность на все предметы первой необходимости держатся в Севастополе выше нежели в Петербурге» [7, с. 217].

В исследуемом периоде в Российской империи основной формой внутренней оптовой и розничной торговли являлось проведение ярмарок, однако в Севастополе ярмарки не организовывались. Розничная торговля проводилась на местных рынках, расположенных в границах города. Так, еще в начале XIX на площади в Артиллерийской бухте был открыт рынок. Торговали там как продовольственными товарами (картофелем, капустой, зеленью, устрицами, рыбой, в

числе которой была камбала, кефаль, снеток), так и разнородными непродовольственными: дровами, строительными материалами (глиной, кирпичами). Организация торговли, несмотря на наличие специализированного места, была на низком уровне: купцы устилали место под товары рогожкой, однако часть лавочников торговали, располагая товары прямо на земле [24, с. 14]. Здесь же располагались мясные лавки и так называемые «обзорные ряды» (лавки под открытым небом с дешевой кухней, где питались самые бедные слои населения).

В 1816 году на Северной стороне Севастополя открылся базар. Здесь торговлей занималось преимущественно крымскотатарское население, привозившие товары из долины реки Бельбек и соседних территорий на больших телегах – мажарах.

Отсутствие государственной поддержки купечества на протяжении долгого времени привело к тому, что в 1822 году сами купцы и мещане города подали в городской магистрат требования о предоставлении льгот и выгод. В данном требовании они указывали, что «город Севастополь не имеет никаких выгод, с коих мог бы получать доходы». В частности, указывается нехватка земель, годных к обработке: сенокосных, лесных и хлебопашных.

В связи с недостаточным уровнем снабжения города продовольствием и товарами первой необходимости, Николай I своим указом от 7 января 1838 года утвердил предоставление севастопольским и николаевским купцам и ремесленникам льгот, действовавших вплоть до начала 1848 года. В числе льгот значилось: освободить от половины гильдейской повинности на пятилетний срок для купцов всех гильдий; для приезжих из других губерний, построивших дома, не взимать повинность в течение трех лет по завершению строительства, а по истечению трехлетнего срока взимать лишь половину; а также с возводимых заводов и фабрик не взимать

повинности в течение 10 лет со дня постройки. Переселяющиеся в город ремесленники имели послабления в вопросах уплаты повинностей, а в случае строительства дома – освобождались от платы в казну сроком на три года [10, с.37-38].

На усиление спекулятивного характера внутренней торговли в городе, помимо прочего, оказали влияние противочумные карантинные меры. Введение в 1830 году карантина в городе предусматривало создание пропускных пунктов как на въезде, так и на выезде из города. Как следствие, сельские жители близлежащих поселений, регулярно снабжавшие город и армию продуктами, не могли более осуществлять поставки продовольствия. Отсутствие доступа к рынку сбыта вызвало дефицит и способствовало возникновению коррупционных схем в процессе обеспечения города продовольствием [17, с. 11-13].

Военный губернатор в сентябре 1834 г. в Представлении министру внутренних дел писал «неудобство города ... есть то, что ... съестные припасы ... продаются там несравненно дороже». В качестве основной причины завышенных цен в город он отмечал недостаток частных лавок, хозяева которых передавали их в аренду по стоимости 1200 руб. в год за одну лавку. В целях нивелирования неудобства и роста доходов города Дума Севастополя предлагала построить лавки в Артиллерийской бухте. Стоимость построек, согласно сметам, составляла 21799 руб. 67 коп. [10, с.35-36].

О высоком уровне цен в городе можно судить исходя из сопоставления статистических данных, представленных в Журнале Министерства внутренних дел. Средняя цена товаров, привозимых в Севастополь в 1835 году относительно среднероссийских цен указаны в таблице 3.

Таблица 3. Сопоставление цен на товары в 1835 г.

	Мука ржаная, четверть			Овес, четверть			Сено, пуд		
	Январь	Июль	Конец года	Январь	Июль	Конец года	Январь	Июль	Конец года
Севастополь	23 руб.	17 руб.	13 руб.	21 руб.	13 руб.	12 руб. 25 коп.	90 коп.	55 коп.	55 коп.
В среднем по России	17 руб. 11 коп.	14 руб. 45 коп.	11 руб. 79 ¼ коп.	9 руб. 42 ½ коп.	8 руб. 9 ½ коп.	6 руб. 17 ½ коп.	52 ½ коп.	53 ½ коп.	50 ½ коп.
Превышение, %	34,42	17,65	10,22	123,81	60,60	98,38	71,43	2,80	8,91

Источник: [25]

Из представленных в таблице 3 данных следует, что к середине 30-х гг. XIX в Севастополе цены на ключевые товары превышали средний уровень цен в 1,5 – 2 раза. Особенно значительной была разница в ценах на овес, используемый как в качестве продовольствия, так и в качестве кормовой базы.

В целом, к 1839 году товарооборот Севастополя составлял до 1,5 млн. руб. серебром [11, с. 255]. Основу товарооборота города составляли дрова, продовольствие, ткани [3, с. 68].

Цена дров в городе была стабильно высокой вплоть до 1850-х гг., когда в Екатеринославской губернии сформировалась каменноугольная промышленность, включающая добычу антрацита. Перевозимый каботажными судами, он стал активно применяться в качестве топлива в жилых помещениях. При этом стоимость доставки до Севастопольского порта отмечалась как «необыкновенно дорогая» и составляла около 7 копеек за пуд., вследствие чего цена пуда в порту прибытия составляла порядка 20 коп. серебром. Несмотря на высокую цену, антрацит все равно имел ряд преимуществ по сравнению с дровами, таких как: высокая теплоотдача, относительно низкий уровень копоти, запаха и дыма. Распространение нового вида топлива на юге Российской Империи привело к снижению стоимости дров в том числе и в Севастополе, где стоимость кубической

сажени снизилась с 50 до 15 руб. серебром [26, с. 9-11].

Таким образом, недостаточные объемы местного промышленного и сельскохозяйственного производства, удаленность города от развитых сухопутных путей сообщения в совокупности с введением запрета на внешнюю торговлю вызвало негативные экономические последствия, в числе которых дефицит, спекуляции и существенное превышение уровня цен в городе по сравнению с общероссийским.

Заключение

Экономика Севастополя в первой половине XIX века во многом зависела от Черноморского флота.

Численность населения Севастополя на протяжении рассматриваемого периода активно росла. Однако положительная динамика была во многом связана с увеличением военного контингента в связи с необходимостью укрепления южных границ Российской империи. Следует отметить, что заинтересованность военного руководства в развитии города требовала также привлечения рабочей силы, что вызывало миграционный приток гражданского населения. В результате, в первой половине XIX века прослеживается положительная динамика межрегионального миграционного прироста на уровне низкого естественного прироста.

Рост численности населения города сопровождался относительно медленным улучшением условий труда и жизни как

гражданского, так и военного населения. Часть домов все еще представляли собой землянки, на производстве и в строительстве преобладал ручной труд, военные сталкивались с суровыми условиями службы, а уровень развития медицины остался низким. Все эти кризисные процессы и недовольство сложившимися условиями труда и жизни проявились в севастопольском восстании («бабьем бунте») 1830-го года.

Ситуация в городе осложнялась непривычными для населения центральных регионов России климатическими условиями, дефицитом пресной воды и отсутствием плодородных почв. Всё это не способствовало развитию сельского хозяйства. Так, растениеводство было в основном представлено садоводством и виноградарством, которые развивались в пригородах города (в основном в долинах немногочисленных рек). Что касается животноводства, то его развитие осложнялось высокой ценой фуража. Все эти проблемы усугублялись отдаленным расположением города, что затрудняло поставки товаров с центральных губерний России.

Анализ промышленного производства Севастополя первой половины XIX века показал его ориентацию на военные нужды города: основными отраслями были судоремонт и судостроение, а самым крупным предприятием оставалось Адмиралтейство. В городе функционировали и другие заводы (кожевенные, свечные, сальные, сухарный), деятельность которых была во многом ориентирована на потребности флота. Однако следует отметить, что в Севастопольской промышленности того периода огромную роль все еще играли мелкие ремесленные производства и промыслы.

В связи с тем, что местное сельскохозяйственное и промышленное производство не могло полностью покрыть потребности города в продовольствии и товарах первой необходимости, большая часть товаров была привозной. Удаленность

города от других регионов России, закрытие Севастопольского торгового порта в 1804 году и карантинные мероприятия в 1820-х гг. способствовали усилению дефицита, спекуляциям и росту цен в городе.

Ключевые особенности историко-экономического процесса развития Севастополя в современных условиях. Первопричиной основания города Севастополь на берегах Ахтиарской бухты и размещения здесь Черноморского флота была необходимость обеспечения безопасности границ России на южном направлении. Это являлось продуманным военным решением Екатерины II и ее окружения. Специфические географические и природно-климатические особенности расположения Севастополя стали одновременно важными преимуществами с военной точки зрения и сдерживающими факторами развития хозяйственной деятельности в городе в мирное время. Таким образом, изначально перед руководством города стояла очень сложная задача по поддержанию баланса между гражданским и военным секторами экономики, что остается актуальным и на современном этапе развития Севастополя.

Более того, как показывает история, экономике Севастополя должен быть свойственен высокий уровень адаптивности под требования военного времени. В частности, это предполагает наличие оптимизированной демографической, территориально-планировочной, отраслевой структуры и рыночной инфраструктуры города. Гибкость и высокая адаптивность экономики города может быть обеспечена только при условии тесного взаимодействия гражданских органов власти и военного руководства.

Именно эта способность к быстрой трансформации экономики во многом определяет безопасность южных границ России. Поэтому гибкость и адаптивность экономики должны быть базовыми принципами Стратегии социально-экономического развития города Севастополь.

По нашему мнению, для решения задачи быстрой трансформации экономики города необходимо учитывать, в том числе, выявленные в статье особенности, которые продолжают оставаться актуальными:

- военноориентированная структура населения является перманентной особенностью демографической структуры города. Военный контингент обеспечивает определенный автономный уровень спроса и, соответственно, стимулирует рост валового регионального продукта. Однако со временем данная особенность привела к следующим последствиям, а именно к оседанию отставных военных в городе, что привело к демографическому старению населения и в определенной степени тормозит развитие рынка труда, а значит и экономическое развитие;

- сложные условия жизни определялись и до сих пор определяются географическими и природно-климатическими особенностями. Гражданским органам власти приходится постоянно следить за уровнем обеспеченности населения водой (в связи с засухами), электроэнергией (в связи с удаленностью и тупиковым расположением города) и прочими коммунальными и социальными услугами;

- трудности ведения сельского хозяйства в регионе определяются также природно-климатическими условиями, ландшафтом и особенностью почв. Выращивание многих культур на территории города остается затруднительным. Постепенно вышеперечисленные факторы определили отраслевую специализацию сельского хозяйства города на виноградарстве и садоводстве. А возникающий в связи с этим продовольственный дефицит нивелируется за счет развития транспортной инфраструктуры, что постоянно должно отслеживать руководство города;

- значительная доля промышленного производства, ориентированного на военный сектор. На протяжении всего исторического периода важнейшим предприятием города оставался морской завод. Развитие других отраслей во многом определялось

дефицитом полезных ископаемых. Поэтому отраслевая специализация промышленности города и в настоящий момент требует развития тех отраслей, которые одновременно могли бы удовлетворять потребности гражданского и военного секторов в условиях дефицита в регионе природных ресурсов. Поэтому стремление руководства города развивать наукоемкие отрасли промышленности в Севастополе оправдано и целесообразно;

- наличие перманентных предпосылок к высокому уровню цен в городе включают: во-первых, высокие транспортные расходы ввиду удаленного расположения города (Севастополь окружен морем более чем на 2700), во-вторых, дефицит сельскохозяйственной продукции и, в-третьих, узкую отраслевую специализацию промышленности. Все это приводит к спекулятивному характеру торговли и монополизации местных рынков, что требует постоянного контроля со стороны соответствующих государственных органов.

Все перечисленные выше особенности целесообразно учитывать при разработке Стратегии социально-экономического развития Севастополя.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00148 «Экономическая история Севастополя: исследование региональных особенностей, закономерностей и опыта хозяйственной жизни в конце XVIII – начале XXI веков».

Список литературы

1. История города-героя Севастополя: 1783-1917 / А.И. Неделин, Е.В. Тарле, Г.И. Семин и др. – К: Изд-во Акад. наук УССР, 1960. – 364 с.
2. История Севастополя. Том 2: Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века – 1917 гг. / отв. ред. Е.Б. Алтабаева, Ю.А. Петров. – М: Историческая литература, 2021. – 800 с.
3. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805-1900) / Л. Левченко. – Миколаїв: Видавництво МДГУ ім. П. Могили, 2006. – 293 с.
4. Коваленко В.В. После Потемкина: Севастополь в 90-е годы XVIII века // Парадигмы истории и общественного развития. – 2020. – № 17-18. – С. 23-30.

5. Коваленко В.В. После Ушакова: Севастополь в первое десятилетие XIX века // Парадигмы истории и общественного развития. – 2020. – № 19. – С. 23-30.
6. Бронеvский В.В. Обзорение Южного берега Тавриды. В 1815 году. – Тула: Тип. Губ. правления, 1822. – 192 с.
7. Головачов В.Ф. История Севастополя, как русского порта. – СПб: Тип. Деп. уделов, 1872. – 260 с.
8. Протопопов А.П. Исторический путеводитель по Севастополю. – СПб: Тип. гл. упр. уделов, 1907. – 295 с.
9. Шишкина О.П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России, в 1845 году. Часть вторая. – СПб: Тип-фия Втор.отд.Собственной Е.И.В. Кан-рии, 1848. – 304 с.
10. Севастополю 200 лет. 1783-1983. Сборник документов и материалов / сост. Г.И. Ванев И.П. Кондранов, М.А. Коротков, Н.Н. Фомина – К: Наукова думка, 1983. – 410 с.
11. Статистическое обозрение военнопортового города Севастополя за 1839 год // Журнал министерства внутренних дел. – 1840. – Ч. XXXVII. – С. 237-275.
12. Водарский Я.Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков: (Численность, размещение, этн. состав) / Я. Е. Водарский, О.И. Елисеева, В.М. Кабузан. – М: Ин-т рос. истории РАН, 2003. – 159 с.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т.ХI, Ч. 2: Таврическая губерния. – СПб: Тип. Деп. Ген. штаба, 1849. – 225, 50 с.
14. Обзорение хода и действий холерной эпидемии // Журнал министерства внутренних дел. – 1849. – Ч. XXIII. – С.315-336
15. Хабарова О.В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. При помощи баз данных (по материалам метрических книг) // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». – М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. – 493 с. – С.115-133.
16. Из записок Севастопольца // Русский архив. – 1867. – № 8. – С.1579-1637.
17. Полканов А.И. Севастопольское восстание 1830 года: по архивным материалам. – Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР, 1936. – 145 с.
18. Лепишевич Н.З. «Чумной бунт» 1830 года в Севастополе: из воспоминаний военного врача Н. И. Закревского // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2012. – Том 25(64), №1. –С.106-108.
19. История Министерства внутренних дел // Журнал Министерства внутренних дел. – 1857. – Ч. XXVII, Отд. II. – С. 1-78.
20. Краткий отчет об успехах шелководства, виноделия и садоводства в полуденных губерниях России, за 1836 год // Журнал Министерства внутренних дел. – 1837. – Ч. XXIII. – С.449-499.
21. Зубов Б.Н. Развитие кораблестроения на юге России. – Калининград: Кн. из-во, 1990. – 383с.
22. М.П. Лазарев. Документы. Том I / под ред. А.А. Самарова. – М: Воен.-мор. изд-во, 1952. – 488 с.
23. Государственный архив Республики Крым. Ф.27. Оп.1. Д. 4202. Л. 16.
24. Закревский Н.И. Севастополь в 1830-1831 году // Морской сборник. –1861. – Том LV(№ 9), Ч. III. – С.1-41.
25. Ведомость о торговых ценах, существовавших в начале середине и конце 1835 года в губернских и других значительных городах на ржаную муку овес и сено // Журнал Министерства внутренних дел. – 1836. – Ч. XXI (№ 9), Приложение №5.
26. О каменноугольной промышленности в Новороссийском крае и о средствах к ее развитию // Журнал Министерства внутренних дел. – 1858. – Ч. XXVIII, Отд. VI. – С. 6-12.

Reference

1. Nedelin A.I., Tarle E.V., Semin G.I. (1960). *History of the hero city of Sevastopol: 1783-1917*. Kiev. Publ. of the Academy of Sciences USSR, 364.
2. Altabaeva E.B., Petrov YU.A. (2021). *History of Sevastopol. Volume 2: Sevastopol in the era of the Russian Empire. End of the 18th century – 1917*. Moscow. Publ. Historical literature, 800.
3. Levchenko L. (2006). *History of Mykolayiv and Sevastopol military governorships (1805-1900)*. Mikolayiv. Publ. MDGU im. P. Mogili, 293.
4. Kovalenko V.V. After Potemkin: Sevastopol in the 90s of the XVIII century (2020). *Paradigms of history and social development*, 17-18, 23-30.
5. Kovalenko V.V. (2020) After Ushakov: Sevastopol in the first decade of the XIX century. *Paradigms of history and social development*, 19, 23-30.
6. Bronevskii V.B. (1822). *Review of the southern coast of Taurida. In 1815*. Tula. Printing house of regional administration, 192.
7. Golovachov V.F. (1872). *History of Sevastopol as a Russian port Saint Petersburg*. Printing house of the department of regions, 260.
8. Protopopov A.P. (1907). *Historical guide to Sevastopol*. Saint Petersburg. Printing house of the regional headquarters, 295.
9. Shishkina O.P. (1848) *Notes and memories of a Russian traveler in Russia, in 1845. Part 2*. Saint Petersburg, Printing house of the second department, 304.
10. Vaneev G.I., Kondranov I.P., Korotkov M.A., Fomina N.N. (1983) *Sevastopol is 200 years old. 1783-1983. Collection of documents and materials*. Kiev. Naukova dumka, 410.
11. Statistical review of the military port city of Sevastopol for 1839 (1840). *Internal Affairs Ministry journal*, Part XXXVII, 237-275.

12. Vodarskii YA.E. Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. (2003). *Population of Crimea at the end of the 18th - end of the 20th centuries: (number, distribution, ethnic composition)*. Moscow. Institute of Russian history RAN, 159.
13. *Military-statistical review of the Russian Empire published by the Highest Order under the 1st Department of the General Staff Department* (1849), Vol. XI, Part 2: Tauride province. Saint Petersburg. Printing house of the General Staff Department. 225, 50.
14. Review of the course and actions of the cholera epidemic (1849). *Internal Affairs Ministry journal*, Vol. XXIII, 315-336.
15. Khabarova O.V. (2008). Analysis of the main aspects of mortality in Sevastopol in the XIX century. Using databases (based on the materials of metric books). *Circle of ideas: Interdisciplinary approaches in historical informatics. Proceedings of the X conference of the Association "History and Computer"*, 115-133.
16. From the Sevastopol resident notes (1867). *Russian archive*, 8, 1579-1637.
17. Polkanov A.I. (1936). *Sevastopol uprising of 1830: based on archival materials*. Simferopol'. Regional Publ. Krymskoi ASSR, 145.
18. Lepisevich N.Z. "Plague Riot" of 1830 in Sevastopol: from the memoirs of a military doctor N. I. Zakrevsky (2012). *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*, Vol. 25(64), 106-108.
19. The Internal Affairs Ministry history (1857). *Internal Affairs Ministry journal*, Vol. XXVII, Part II, 1-78.
20. A brief report on the success of sericulture, winemaking and horticulture in the midday provinces of Russia, for 1836 (1837). *Internal Affairs Ministry journal*, Vol. XXIII, 449-499.
21. Zubov B.N. (1990). *Development of shipbuilding in the south of Russia*. Kaliningrad. Book publ., 383.
22. Samarov A.A. (1952). *M.P.Lazarev. Documentation. Vol.1*. Moscow. Military Publ., 488.
23. Crimean Republic State Archive. F.27. Op.1. D. 4202. L. 16.
24. Zakrevskii N.I. Sevastopol in 1830-1831 (1861). *Marine collection*, Vol.LV, 9. Part III, 1-41.
25. Statement of trade prices that existed at the beginning, middle and end of 1835 in provincial and other significant cities for rye flour, oats and hay (1836). *Internal Affairs Ministry journal*, Vol. XXI, 9, Prilozhenie №5.
26. On the coal industry in the Novorossiysk Territory and on the means for its development (1858). *Internal Affairs Ministry journal*, Vol. XXVIII. Part VI, 6-12.

УДК 332.142

Сущность цифровой трансформации экономики региона

М. М. Гаджиев¹, М. А. Магомедова²

^{1,2}Дагестанский государственный университет народного хозяйства
г. Махачкала, Республика Дагестан, 367008, Россия
¹ra9898@mail.ru, ²digitalwindm20@gmail.com

Статья поступила 01.10.2024

Аннотация

В условиях перехода к цифровому технологическому укладу цифровая трансформация экономик отдельных регионов имеет большое значения для обеспечения их социально-экономической эффективности и конкурентоспособности. Для разработки стратегии цифровой трансформации региона необходимо ясное теоретическое понимание природы этого процесса. Однако в существующей литературе единое определение цифровой трансформации региона отсутствует. Целью статьи является анализ природы цифровой трансформации экономики региона. При проведении исследования мы опирались на публикации по проблемам цифровой трансформации и использовали общенаучный метод анализа и синтеза. В работе представлено видение цифровой трансформации региональной экономики как ее переход к функционированию в виде цифровой (киберфизической) экосистемы, доступ к которой открыт для всех физических и юридических лиц региона. При этом проведение цифровой трансформации региональной экономике должно проводиться совместно с цифровой трансформации национальной экономики, что обеспечит единство моделей функционирования экономических систем страны на разных уровнях.

Ключевые слова: экономика региона, цифровая трансформация, экосистема, цифровая инфраструктура, физическая инфраструктура

JEL Codes: O33, R10, R58

Nature of digital transformation of regional economy

M. M. Gadzhiev¹, M. A. Magomedova²

^{1,2}Dagestan State University of National Economy
Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia
¹ra9898@mail.ru, ²digitalwindm20@gmail.com

Received 01.10.2024

Abstract

In the context of the transition to a digital technological structure, the digital transformation of the economies of individual regions is of great importance for ensuring their socio-economic efficiency and competitiveness. To develop a strategy for the digital transformation of a region, a clear theoretical understanding of the nature of this process is necessary. However, in the existing literature, there is no single definition of the digital transformation of a region. The purpose of the article is to analyze the nature of the digital transformation of the regional economy. In conducting the study, we relied on publications on the problems of digital transformation and used the general scientific method of analysis and synthesis. The paper presents a vision of the digital transformation of the regional economy as its transition to functioning in the form of a digital (cyber-physical) ecosystem, access to which is open to all individuals and legal entities in the region. At the same time, the digital transformation of the regional economy should be carried out jointly with the digital transformation of the national economy, which will ensure the unity of the models of the functioning of the country's economic systems at different levels.

Keywords: economy of region, digital transformation, ecosystem, digital infrastructure, physical infrastructure

Введение

Цифровая трансформация регионов представляет собой важную задачу в условиях перехода отдельных предприятий, отраслей и рынков к цифровым моделям функционирования [1, 2, 3, 4, 5]. Очевидно, что регионы как экономические объекты на мезоуровне также нуждаются в активном внедрении цифровых инструментов (как технологических, так и организационных), поскольку в противном случае будет затруднительно эффективно решать задачи регионального развития в условиях цифрового технологического уклада [6, 7, 8]. Особое значение цифровая трансформация региональной экономики приобретает в настоящее время для Российской Федерации с учетом, с одной стороны, необходимости обеспечения устойчивого развития национальной экономики (ключевые элементами которой являются региональная экономика субъектов федерации), а с другой стороны, наличия больших диспропорций в уровне социально-экономического развития регионов России. Однако для эффективного проведения цифровой трансформации региональной экономики необходимо ясное теоретическое понимание ее природы.

Цель данного исследования заключается в уточнении понимания природы цифровой трансформации региона.

Анализ последних исследований и публикаций

В существующей научной и практической литературе, а также в программных документах, связанных с цифровой трансформацией регионов, она чаще всего понимается либо как внедрение цифровых технологий в сферу регионального управления (что также может охватывать систему государственных услуг и социальную сферу), либо как расширение доступа населения региона к сети Интернет (и, в целом, формирования цифровых компетенций населения) [9, 10, 11]. Очевидно, что при всей несомненной важности решения этих задач (которые необходимы для построения полноценного

цифрового региона) цифровая трансформация региона к ним не сводится (поскольку частный коммерческий сектор экономики не включается в проводимые и планируемые мероприятия). Таким образом, мы можем констатировать, что в настоящее время представленное в литературе понимание цифровой трансформации региона является неполным и не отражает всех его аспектов. Это затрудняет как теоретический анализ этого феномена, так и решение практических задач, связанных с проведением цифровой трансформации региона (включая разработку соответствующих стратегий и дорожных карт), поскольку создает риск неправильной постановки целей и выбора приоритетов.

Данные и методы

Наше исследование основано на методе несистематизированного обзора литературы. Информационная база исследования включает в себя работы по проблемам цифровой трансформации региона, опубликованные в научных журналах, входящих в базу РИНЦ (на платформе Elibrary.ru), а также материалы аналитических обзоров по развитию цифровой экономики в Российской Федерации. При проведении обзора литературы мы опирались на общенаучный метод анализа и синтеза. Для представления результатов исследования использовались графические методы.

Результаты исследования

Развитие цифровых технологий оказало значительное влияние на экономику отдельных регионов и поставило вопрос о необходимости цифровой трансформации региональной экономики как единого целого (эта задача, очевидно, не сводится к цифровой трансформации отдельных региональных предприятий) [12, 13, 14]. Очевидно, что для достижения этой цели необходимо ясное понимание природы цифровой трансформации региона. При этом, несмотря на большое количество публикаций, посвященных данной проблеме, единый подход к определению

нию этого понятия в существующей литературе отсутствует. Это во многом связано с тем, что переход к цифровому технологическому укладу еще не завершен, что затрудняет выявление его влияния на модель функционирования экономических систем. Интересным подтверждением сложности этой проблемы является пока недостаточно изученное с точки зрения региональной экономики как науки появление цифровых метaprостранственных образований (метавселенных), которые также обладают отдельными признаками регионов, реализованных в цифровой среде (что теоретически позволяет рассматривать их как цифровые регионы) [15, 16, 17].

При анализе природы цифровой трансформации региона целесообразно рассматривать его как экономический объект мезоуровня. Это позволит использовать для понимания его цифровой трансформации те результаты, которые были получены при изучении цифровой трансформации других субъектов мезоуровня (отраслей и рынков).

Цифровая трансформация рассматривается специалистами как комплексный процесс, заключающийся не только в освоении передовых информационных технологий, но и в глубоком изменении модели функционирования экономического объекта [5, 8, 18]. Результатом цифровой трансформации на микроуровне выступает киберфизическая система предприятия, включающая в себя физический и цифровой компонент, синергия которых приводит к значительному росту эффективности деятельности объекта [19, 20]. На уровне отдельных отраслей (т. е. на мезоуровне) происходит (на основе интеграции отдельных предприятий и организаций) формирование экосистем, охватывающих значительное число участников экономической деятельности (относящихся к различным группам стейкхолдеров), совместно создающих ценность. Важно отметить, что эта интеграция реализуется не только на основе информационно-коммуникационных технологий, которые создают единую виртуальную среду взаимодействия участников экосистемы, но и путем организационных и институциональных трансформаций (в част-

ности, благодаря разработке единых правил этого взаимодействия, а также общей модели создания и распределения ценности, созданной в ходе этого взаимодействия) [21].

Таким образом, в соответствии с принятым нами допущением о возможности рассмотрения региональной экономики как экономического объекта на мезоуровне, мы можем говорить о том, что цифровая трансформация региона включает в себя три основных этапа:

- цифровая трансформация всех групп стейкхолдеров региональной экономики (речь идет не только о системе управления регионом, но и предприятия и организациях, а также о цифровой трансформации поведения населения, т. е. о его переходе к активному использованию цифровых технологий для получения доступа к необходимым товарам, услугам и сервисам [18, 22, 23]). Это означает, что те задачи, которым придается основное значение в текущих стратегиях цифрового развития регионов (цифровая трансформация системы государственного и регионального управления и формирование цифровых компетенций населения), на самом деле носят частный характер и должны решаться совместно с задачей цифровой трансформации остальных стейкхолдеров региональной экономики;

- формирование региональных профильных экосистем, выделяемых по какому-либо признаку (например, цифровая экосистема государственных услуг региона или переход к модели «умный город» для населенных пунктов региона [14, 24]). Этот этап необходим по причине того, что прямое участие отдельных предприятий и организаций в едином цифровом пространстве региона затруднит управление им;

- интеграция всех профильных экосистем стейкхолдеров в единую цифровую экосистему региональной экономики, что требует создания соответствующей цифровой и физической инфраструктуры и институциональной поддержки [12, 18, 21, 25].

Эта цифровая экосистема будет выступать в качестве своеобразной надстройки над региональной экономикой, обеспечивая ее единство и повышая качество сотрудни-

чество отдельных предприятий и иных структур, а также населения. Иными словами, она будет представлять цифровой элемент единой киберфизической системы региональной экономики [20]. При этом переход к экосистемной модели организации экономики региона (основанной на сетевом подходе) следует рассматривать как организационный компонент цифровой трансформации региона (тогда как технологический компонент включает в широкое использование передовых цифровых технологий для взаимодействия физических и юридических лиц в регионе), поскольку именно экосистемы в настоящее время выступают в качестве наиболее перспективной модели организации хозяйственной деятельности [26, 27].

Отметим, что сетевые модели региональной экономики существовали и до перехода к цифровому технологическому укладу. Примером реализации такой сетевой модели являются кластеры [28]. Однако сочетание технологических и организационных инструментов при проведении цифровой трансформации ведет к более полной реализации потенциала как цифровых технологий, так и сетевой модели, что становится причиной значительного роста социально-экономической эффективности экономических систем (в частности, экономики региона).

Необходимо подчеркнуть, что, как показывает рис. 1, применительно к цифровой трансформации региона конечным результатом является формирование киберфизической (а не чисто цифровой) экосистемы региональной экономики, поскольку, очевидно, в этой экосистеме большую роль будет иметь физическая составляющая [12, 24, 29].

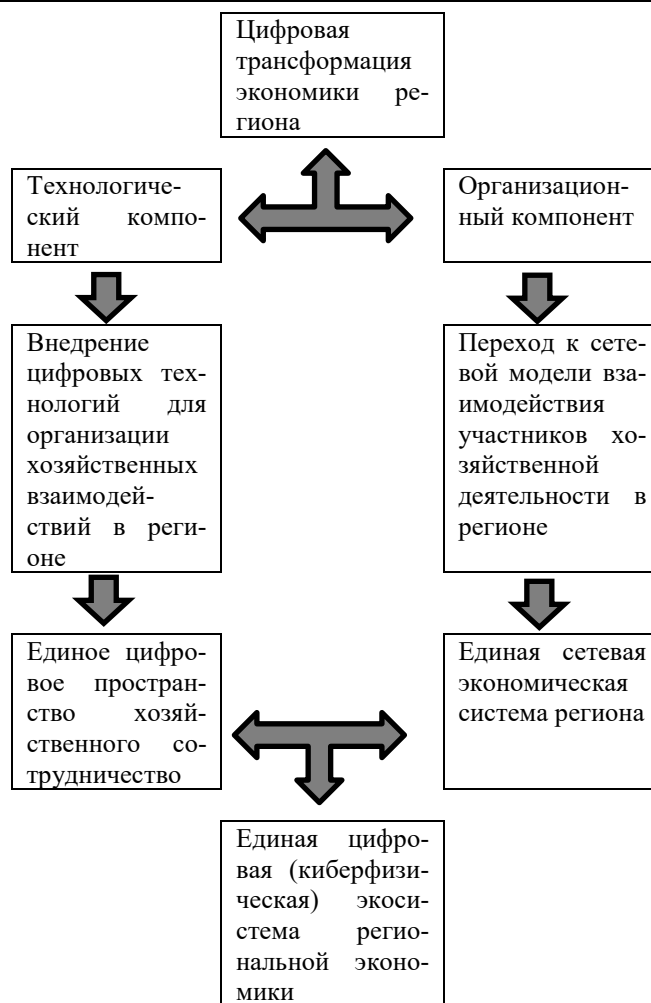

Рис. 1. Структурная схема цифровой трансформации региональной экономики

Проблемам цифровой трансформации отдельных участников хозяйственной деятельности посвящено значительное число исследований, и поэтому в данной работе мы их рассматривать не будем. Отметим лишь, что, в силу ориентации отдельных предприятий на достижение своих частных целей, они проводят свою цифровую трансформацию самостоятельно на основе собственных стратегий. По этой причине основное значение имеет создание условий для интеграции отдельных компаний в профильные региональные экосистемы и в общую цифровую экосистему региона.

Ключевым условием функционирования цифровой экономики региона являются (по аналогии с другими цифровыми экосистемами мезоуровня):

1. Наличие единой цифровой инфраструктуры, обеспечивающей удобное и эф-

фективное взаимодействие физических и юридических лиц в регионе;

2. Наличие физической инфраструктуры [30]. Физическая инфраструктура включает в себя два основных компонента: традиционный компонент, созданный до перехода региональной экономики к цифровому формату функционирования, и новый (поддерживающий) компонент, который необходим для обеспечения деятельности цифровой экосистемы (т. е., в отличие от традиционного компонента, новый компонент изначально не является самостоятельным, а направлен на обслуживание потребностей цифровой инфраструктуры; примером могут быть пункты выдачи заказов или консультационные центры, где население может получить разъяснения и поддержку в случае проблем с использованием цифровой инфраструктуры [31]). Традиционный физический компонент также интегрируется в цифровую экосистему и обеспечивает материальную составляющую ее деятельности, т. е. производство товаров и услуг, необходимых для региональных потребителей;

3. Наличие институциональной поддержки, т. е. установленных правил взаимодействия участников цифровой экосистемы региона. Эти правила включают в себя два основных блока: общая нормативно-правовая база, регулирующая хозяйственные отношения и единые для всей страны, а также правила использования общедоступных ресурсов цифровой и физической инфраструктуры цифровой экосистемы региона [21, 32]. Эти правила устанавливаются структурой, в чьи функции входит проведение цифровой трансформации региональной экономики.

Функции цифровой инфраструктуры заключаются в следующем:

- создание условий для присутствия физических и юридических лиц в цифровом пространстве региона. Если крупные компании и организации могут самостоятельно создавать свои веб-представительства, то для малого и среднего бизнеса, и особенно для отдельных потребителей это затруднительно. По этой причине им необходима удобная для использования цифровая плат-

форма, где они могут регистрировать свои веб-представительства [33]. Речь идет о специализированной облачной инфраструктуре (примером такой инфраструктуры являются социальные сети [34]). Отметим, что под веб-представительствами мы понимаем не только сайты и интернет-страницы, но и профили в различных информационных системах (включая, в частности, сервис государственных услуг);

- формирование единого цифрового пространства для взаимодействия физических и юридических лиц в регионе. Это цифровое пространство будет интегрировать все виды рынков (citizen to government, т. е. взаимодействие граждан с администрацией при получении государственных услуг, business to government и т. д.), включая и возможные многосторонние взаимодействия (см. рис. 2). Наличие такого пространства позволит физическим и юридическим лицам быстро находить тех контрагентов, которые им необходимы в данный момент, адресовать им запрос, получить на него ответ и провести все необходимые операции (включая заключение контракта, проведение оплаты и т. д.) [35]. По нашему мнению, в современных условиях важным элементом цифровой инфраструктуры региональной экосистемы может быть использование технологии блокчейн, которые обеспечат сохранность информации о взаимодействии всех групп стейкхолдеров региональной экономики, а также создадут основу для реализации «умных контрактов» (фактически сделав применение таких контрактов доступным для всех экономических агентов, в т. ч. и малого бизнеса и частных лиц) [36, 37]. Еще одним перспективным элементом этой цифровой инфраструктуры могут быть технологии искусственного интеллекта, которые позволят упростить выбор и оценку потенциального контрагента (отметим, что технологии искусственного интеллекта в настоящее время активно интегрируются в экосистемы ведущих цифровых операторов;

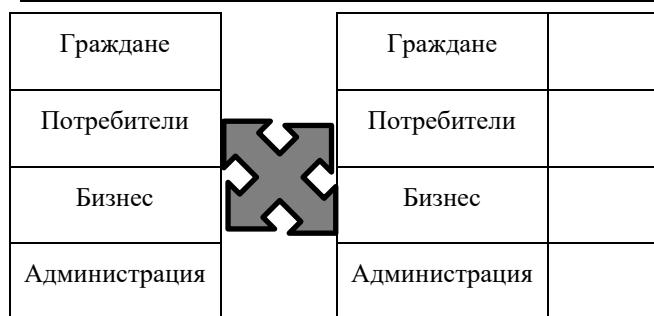

Рис. 2. Интеграция разных типов рынков в рамках единой комплексной цифровой экосистемы региона

- формирование технологической основы для обеспечения единства региональной экономики;

- создание условий для развития новых цифровых предприятий в регионе (результатом чего может стать реализация в регионе модели так называемой цифровой реиндустриализации [38]).

Как правило, в существующей литературе по цифровой трансформации региональной экономики по умолчанию предполагается, что цифровая инфраструктура целенаправленно создается региональными властями как органом, ответственным за проведение цифровой трансформации. Такой подход, в целом справедливый в том случае, если под цифровой трансформацией понимать перевод в цифровой формат сферы регионального управления, является неполным в рамках нашего понимания цифровой экономики региона как региональной цифровой экосистемы. Экосистема предполагает привлечение ресурсов разных групп стейкхолдеров для обеспечения ее функционирования. Таким образом, цифровая инфраструктура может формироваться и сторонними организациями – как по собственной инициативе, так и на основе заказа со стороны государства (в т. ч. и на основе механизма государственно-частного партнерства). Это позволяет использовать ресурсы и компетенции коммерческих предприятий в интересах цифровой трансформации региональной экономики. Отметим, что в настоящее время российские компании уже разрабатывают цифровую инфраструктуру совместного пользования, которая направлена на решение части перечисленных выше за-

дач (обеспечение присутствия в цифровом пространстве, повышение эффективности взаимодействия физических и юридических лиц, создание условий для деятельности цифровых предприятий). Примерами такой инфраструктуры являются ведущие российские маркетплейсы Ozon, Wildberries и «Яндекс Маркет», которые позволяют малым независимым предприятиям начать торговую деятельность онлайн (и создают физическую логистическую инфраструктуру для такой деятельности). Наличие такого опыта позволяет привлечь частные компании для разработки цифровой инфраструктуры регионов.

Однако необходимо подчеркнуть, что чрезмерная опора на частные структуры при проведении цифровой трансформации региона нежелательна, поскольку в этом случае существует риск дальнейшего усиления монопольной роли ведущих операторов цифровой инфраструктуры в экономике страны [39] (поскольку именно таким операторам было бы целесообразно поручать реализацию технологической составляющей цифровой трансформации региональной экономики). Этот риск особенно значим в силу того, что цифровой оператор усилит свою власть не только за счет выхода на рынок новых сервисов, но и благодаря получению доступа к уникальным данным и возможностям, связанным с обслуживанием цифрового взаимодействия физических и юридических лиц с органами государственной власти. По нашему мнению, наиболее удобной моделью, которая позволила бы устранить этот риск и при этом дала бы возможность использовать ресурсы частного высокотехнологичного бизнеса было бы частно-государственное партнерство (поскольку в рамках этой модели возможен государственный контроль над деятельностью коммерческого оператора). Тем не менее, эта модель не является универсальной. Фактически выбор организационно-экономического механизма формирования цифровой инфраструктуры региональных экосистем будет зависеть от специфики ситуации в конкретном регионе. В регионах с более низким уровнем экономического раз-

вития или с высоким уровнем рисков (речь в первую очередь идет о новых регионах Российской Федерации) роль государства в организации цифровой инфраструктуры будет выше из-за сложности привлечения частных инвесторов.

Кроме того, при привлечении частных операторов к формированию цифровой инфраструктуры региона желательно не передавать ему все функции, связанные с ее функционированием, а распределять эти задачи между несколькими операторами, чтобы избежать зависимости от единственного крупного провайдера [40]. Например, для организации веб-представительств участников экосистемы может привлекаться оператор социальных сетей, для платежных систем – внешний по отношению к этому оператору банк и т. д.

Еще один важный момент заключается в том, что, поскольку региональная экономика является частью национальной экономики, очевидно, что региональная цифровая экосистема должна быть частью единой национальной цифровой экосистемы [41]. Это означает, что программы цифровой трансформации региональных экономик субъектов Российской Федерации должны быть частью единой стратегии цифровой трансформации национальной экономики нашей страны.

Заключение

На основе выполненного нами анализа мы можем сделать следующие выводы:

- цифровую трансформацию региональной экономики можно определить как формирование единой цифровой (киберфизической) экосистемы региона, что означает, что цифровая трансформация заключается не только в технологическом развитии региональной экономики, но и в изменении модели взаимодействия физических и юридических лиц в регионе;

- для проведения цифровой трансформации экономики региона необходимо создание соответствующей цифровой и физической инфраструктуры и институциональной среды;

- благодаря проведению цифровой трансформации региона будет обеспечена интеграция всех типов рынков и созданы условия для повышения единства региональной экономики;

- цифровая трансформация региональной экономики должна проводиться совместно с цифровой трансформацией национальной экономики, чтобы обеспечить единство используемых подходов. Это также позволит интегрировать комплексные цифровые экосистемы региональных экономик отдельных субъектов Российской Федерации в единую цифровую экосистему национальной экономики, что будет способствовать укреплению межрегиональных хозяйственных связей (что имеет большое значение в условиях текущей геополитической нестабильности и вхождения в состав Российской Федерации новых регионов, для которых необходимо создать условия для их включения в единое экономическое пространство нашей страны).

Список литературы

1. *Апатова Н. В.* Управление процессами цифровой трансформации бизнеса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 3-8.
2. *Ватлина Л. В., Плотников В. А.* Цифровизация и инновационное развитие экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 1(139). – С. 106-113.
3. *Манахова И. В., Белоглазов А. Д.* Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса в России: вызовы, перспективы и роль государственной поддержки // Российский экономический журнал. – 2023. – № 5. – С. 112-124. – DOI 10.52210/0130-9757_2023_5_112.
4. *Стельмашонок Е. В., Стельмашонок В. Л.* Цифровая трансформация агропромышленного комплекса: анализ перспектив // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 336-365. – DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-2-336-365.
5. *Суворова С. Д., Куликова О. М.* Цифровая трансформация бизнеса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2022. – № 2(60). – С. 54-59. – DOI 10.47581/2022/IE.2.60.10.
6. *Голуб И. В., Барыкин С. Е., Корчагина Е. В., Сергеев С. М.* Цифровая трансформация в аспектах

- качества жизни // Глобальные вызовы цифровой трансформации рынков. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2023. – С. 242-261.
7. Меленкин В. Л., Чешева К. К. Цифровизация как инструмент трансформации современных экономических систем // Экономика и экология территориальных образований. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 24-30. – DOI 10.23947/2413-1474-2021-5-3-24-30.
 8. Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Qi Dong J., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. – 2021. – V. 122. – P. 889-901. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022
 9. Зуденкова С. А. Принципы цифровизации государственного управления в субъектах РФ // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14. – № 1-1. – С. 334-341. – DOI 10.34670/AR.2024.34.74.045.
 10. Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. – 2021. – № 2(146). – С. 100-109. – DOI 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109.
 11. Цифровые навыки населения в регионах России // Цифровая экономика [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/767680649.pdf> (дата обращения 28.09.2024).
 12. Дятлов С. А., Лобанов О. С. Формирование региональной экосистемы на основе цифровой конвергенции технологий и сервисов // Инновации. – 2019. – № 6(248). – С. 27-33. – DOI 10.26310/2071-3010.2019.248.6.004.
 13. Кочелаба Ж. В., Курбанов А. Х., Лаптев С. В. Цифровая трансформация в мире и в России: разработка путей решения проблем реализации (на примере оборонно-промышленного комплекса) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 4(142). – С. 145-150.
 14. Плотников В. А., Катрашова Ю. В. Перспективы развития и угрозы реализации концепции "умный город" (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. – 2021. – № 1(24). – С. 131-138. – DOI 10.36807/2411-7269-2021-1-24-131-138.
 15. Багиев Г. Л., Яненко М. Б., Яненко М. Е. Маркетинг метaprостранственных бизнес-образований: проблемы и перспективы применения // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 2(82). – С. 96-101.
 16. Багиев Г. Л., Яненко М. Б., Яненко М. Е. Комплекс маркетинга в процессе формирования и цифровизации метaprостранственных образований // Проблемы современной экономики. – 2023. – № 2(86). – С. 120-125.
 17. Лавская К. К., Барыкин С. Е., Макаренко Е. А. Метавселенная как источник формирования новых ценностей современного общества // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 6. – № 11(140). – С. 270-283. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2023.11.06.031.
 18. Котляров И. Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управление. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 72-81. – DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-3-6.
 19. Бабкин А. В., Дин Х. Традиционные, цифровые и киберфизические предприятия: понятие, сущность и особенности // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ-2024) : Сборник трудов X Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. – С. 156-160. – DOI 10.18720/IEP/2024.2/35.
 20. Бабкин А. В., Шкарупета Е. В., Плотников В. А. Интеллектуальная киберсоциальная экосистема индустрии 5.0: понятие, сущность, модель // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 4(70). – С. 39-62. – DOI 10.37930/1990-9780-2021-4-70-39-62.
 21. Капустина И. В., Переверзева Т. А., Степанова Т. В. Предпосылки институционального регулирования цифровой экономики // Вестник Национальной академии туризма. – 2018. – № 1(45). – С. 9-11.
 22. Домнин А. Д., Барыкин С. Е. Развитие мультисервисов как фактор повышения качества жизни населения // Экономические науки. – 2020. – № 191. – С. 64-69. – DOI 10.14451/1.191.64.
 23. Куликова О. М., Гавриленко С. Ю., Суворова С. Д. Цифровизация отношений с потребителями // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 8(102). – С. 99-102. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-8-99-102.
 24. Вашкевич Н. П., Барыкин С. Е. Развитие инклюзивного туризма в Российской Федерации на основе экосистемного сотрудничества стейкхолдеров туристской отрасли // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2024. – № 1(65). – С. 129-141. – DOI 10.26456/2219-1453/2024.1.129-141.
 25. Барыкин С. Е., Вашкевич Н. П., Куприянова М. Ю. 2.6. Физические и цифровые компоненты экосистемы инклюзивного туризма: проблемы интеграции // Глобальные вызовы цифровой трансформации рынков. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2023. – С. 226-241.
 26. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1(59). – С. 40-45.
 27. Куликова О. М., Суворова С. Д. Экосистема: новый формат современного бизнеса // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 42(1). – С. 200-205. – DOI 10.24412/2304-6139-2021-10909.
 28. Бабкин А. В. Инновационно-промышленные кластеры и экосистемы: от потенциала до мутуализма // Цифровые интеллектуальные экосистемы в эко-

- номике и промышленности. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. – С. 89-106. – DOI 10.18720/IEP/2023.5/4.
29. Васильева А. Д., Краснов А. С. Трансформация ритейла: сложности перехода от диджитал к фиджитал формату // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики : Сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 25 апреля 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 106-109.
 30. Корчагина Е. В., Корчагина Д. А. Развитие логистической инфраструктуры в России, Казахстане и Беларуси: направления инвестиций // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 1. – С. 21-25. – DOI 10.26163/GIEF.2022.89.17.003.
 31. Плещенко В. И. Экспансия маркетплейсов: о приближении торгово-логистической инфраструктуры к конечным потребителям // Менеджмент сегодня. – 2022. – № 4. – С. 276-281. – DOI 10.36627/2304-6473-2022-4-4-276-281.
 32. Плотников В. А., Пирогова В. А. Устойчивое развитие цифровых предприятий на основе баланса интересов стейкхолдеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 94-105.
 33. Котляров И. Д. Методы создания веб-представительства // Интернет-маркетинг. – 2012. – № 2. – С. 108-114.
 34. Апатова Н. В. Социальные сети в цифровой экономике // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2018. – Т. 4(70). – № 4. – С. 3-9.
 35. Алесина Н. В., Чуйков А. С., Безматерных Н. Э. Роль электронных платежных систем в процессе цифровой трансформации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 2(84). – С. 10-13. – DOI 10.24412/2411-0450-2022-284-10-13.
 36. Кузьмина С. Н., Черникова А. В., Астраханцева А. Л. Практика использования технологии блокчейн в аудиторской деятельности // Петербургский экономический журнал. – 2023. – № 1. – С. 85-94.
 37. Яковлев А. А., Лебедева Т. С. Применение концепции Block Chain в целях совершенствования системы управления качеством на предприятии // Петербургский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 167-176. – DOI 10.24411/2307-5368-2020-10050.
 38. Шкарупета Е. В., Бабкин А. В., Ильина Е. А. Оценка цифровой реиндустриализации депрессивных регионов РФ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 6(488). – С. 43-57. – DOI 10.47475/1994-2796-2024-488-6-43-57.
 39. Göldi A. A blind spot for the dark side: the monopolies we didn't see coming // Electronic Markets. – 2020. – V. 30. – P. 55-56. DOI: 10.1007/s12525-020-00402-x
 40. Балог М. М., Бабкин А. В., Гаджиев М. М. Экономическая безопасность в контексте цифровизации: подходы, тенденции и угрозы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2024. – Т. 20. – № 6(435). – С. 1040-1060. – DOI 10.24891/ni.20.6.1040.
 41. Зарецкая В. Г., Соломко И. И. Цифровая экономика в России: измерения, прогноз развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12. – № 5. – С. 88-105. – DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-5-88-105.

References

1. Apatova N. V. (2022). Management of processes of digital transformation of business. *Scientific Proceedings of the V. I Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management*, 8(2), 3-8.
2. Vatlina L. V., Plotnikov V. A. (2023). Digitalization and innovation development of economy. *Journal of the St. Petersburg State Economic University*, 1, 106-113.
3. Manakhova I. V., Beloglazov A. D. (2023). Digital transformation of small and medium business in Russia: challenges, prospects and the role of the state support. *Russian economic journal*, 5, 112-124. doi: 10.52210/0130-9757_2023_5_112.
4. Stelmashonok E. V., Stelmashonok V. L. (2021). Digital transformation of the agro-industrial complex: analysis of prospects. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(2), 336-365. doi: 10.12731/2658-6649-2021-13-2-336-365.
5. Suvorova S. D., Kulikova O. M. (2022). Digital transformation of business. *Innovation economy: prospects of development and enhancement*, 2, 54-59. doi: 10.47581/2022/IE.2.60.10.
6. Golub I. V., Barykin S. E., Korchagina E. V., Sergeev S. M. (2023). Digital transformation in aspects of quality of life. *Global Challenges of Digital Transformation of Markets*. St. Petersburg: Politekh-Press, 242-261.
7. Melenkin V. L., Chesheva K. K. (2021). Digitalization as a tool of transformation of modern economic systems. *Economy and ecology of territorial structures*, 5(3), 24-30. doi: 10.23947/2413-1474-2021-5-3-24-30.
8. Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Qi Dong J., Fabian N., Haenlein M. (2021). Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda. *Journal of Business Research*, 122, 889-901. doi: 10.1016/j.jbusres.2019.09.022
9. Zudenkova S. A. (2024). Principles of digitalization of state administration in federal subjects of the Russian Federation. *Problems of Russian and international law*, 14(1-1), 334-341. doi: 10.34670/AR.2024.34.74.045.

10. Katrashova Yu. V., Mityashin G. Yu., Plotnikov V. A. (2021). Social rating system as a form of state control over the society: prospects of implementation and development, introduction threats. *Administrative consulting*, 2, 100-109. doi: 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109.
11. Digital skills of population in regions of Russia. *Digital economy* [Electronic source] URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/767680649.pdf> (Date of access: 28.09.2024).
12. Dyatlov S. A., Lobanov O. S. (2019). Formation of a regional ecosystem on the basis of digital convergence of technologies and services. *Innovations*, 6, 27-33. doi: 10.26310/2071-3010.2019.248.6.004.
13. Kochelaba Zh. V., Kurbanov A. Kh., Laptiev S. V. (2023). Digital transformation in the world and in Russia: development of ways of solution of problems (defense-industrial complex case). *Journal of the St. Petersburg State Economic University*, 4, 145-150.
14. Plotnikov V. A., Katrashova Yu. V. (2021). Prospects of development and threats of implementation of the "smart city" concept (St. Petersburg case). *Economic vector*, 1, 131-138. doi: 10.36807/2411-7269-2021-1-24-131-138.
15. Bagiev G. L., Yanenko M. B., Yanenko M. E. (2022). Marketing of meta-space business structures: problems and prospects of implementation. *Problems of modern economy*, 2, 96-101.
16. Bagiev G. L., Yanenko M. B., Yanenko M. E. (2023). Marketing mix in the process of formation and digitalization of meta-space structures. *Problems of modern economy*, 2, 120-125.
17. Lavskaya K. K., Barykin S. E., Makarenko E. A. (2023). Metaverse as a source of formation of new values of the modern society. *Economics and management: problems, solutions*, 6(11), 270-283. doi: 10.36871/ek.up.p.r.2023.11.06.031.
18. Kotliarov I. D. (2020). Digital transformation of the financial industry: the substance and trends. *Manager*, 11(3), 72-81. doi: 10.29141/2218-5003-2020-11-3-6.
19. Babkin A. V., Din H. (2024). Traditional, digital and cyberphysical business: concept, nature and specific features. *Intellectual engineering economics and Industry 5.0 (INPROM-2024): Proceedings of the Xth International scientific and practical conference*, 2 volumes, St. Petersburg, 25-28 April 2024. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS, 156-160. doi: 10.18720/IEP/2024.2/35.
20. Babkin A. V., Shkarupeta E. V., Plotnikov V. A. (2021). Intellectual cybersocial ecosystem of the Industry 5.0: concept, nature, model. *Economic revival of Russia*, 4, 39-62. doi: 10.37930/1990-9780-2021-4-70-39-62.
21. Kapustina I. V., Pereverzeva T. A., Stepanova T. V. (2018). Preconditions of institutional regulation of the digital economy. *Journal of the National Academy of Tourism*, 1, 9-11.
22. Domnin A. D., Barykin S. E. (2020). Development of multi-services as a factor of increase of quality of life of population. *Economic sciences*, 191, 64-69. doi: 10.14451/1.191.64.
23. Kulikova O. M., Gavrilenko S. Yu., Suvorova S. D. (2023). Digitalization of customer relations. *Economy and business: theory and practice*, 8, 99-102. doi: 10.24412/2411-0450-2023-8-99-102.
24. Vashkevich N. P., Barykin S. E. (2024). Development of inclusive tourism in Russian Federation on the basis of ecosystem cooperation of tourism industry stakeholders. *Journal of the Tver State University. Series: Economics and management*, 1, 129-141. doi: 10.26456/2219-1453/2024.1.129-141.
25. Barykin S. E., Vashkevich N. P., Kupriyanova M. Yu. (2023). 2.6. Physical and digital components of the inclusive tourism ecosystem: problems of integration. *Global challenges of the digital transformation of markets*. St. Petersburg: Politekh-Press, 226-241.
26. Kleiner G. B. (2019). The economy of ecosystems: a step into the future. *Economic revival of Russia*, 1, 40-45.
27. Kulikova O. M., Suvorova S. D. (2021). Ecosystem: a new format of modern business. *Journal of the Academy of Knowledge*, 42, 200-205. doi: 10.24412/2304-6139-2021-10909.
28. Babkin A. V. (2023). Innovative industrial clusters and ecosystems: from potential to mutualism. *Digital intellectual ecosystems in economy and industry*. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS, 89-106. doi: 10.18720/IEP/2023.5/4.
29. Vasilieva A. D., Krasnov A. S. (2024). Retail transformation: problems of transition from digital to phygital format. *Actual problems of sustainable development of modern society and economy. Proceedings of the 3rd All-Russian scientific and practical conference*. 2 Vol. Kursk, 25 April 2024. Kursk: ZAO "Universitetskaya kniga", 106-109.
30. Korchagina E. V., Korchagina D. A. (2022). Development of logistical infrastructure in Russia, Kazakhstan and Belarus: directions of investments. *Journal of legal and economic research*, 1, 21-25. doi: 10.26163/GIEF.2022.89.17.003.
31. Pleshchenko V. I. (2022). Expansion of market places: on bringing trade and logistic infrastructure closer to end customers // *Management today*, 4, 276-281. doi: 10.36627/2304-6473-2022-4-4-276-281.
32. Plotnikov V. A., Pirogova V. A. (2020). Sustainable development of digital companies on the basis of balance of stakeholders' interests. *Journal of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 10(2), 94-105.
33. Kotliarov I. D. (2012). Methods of setting up a Web subsidiary. *Internet marketing*, 2, 108-114.
34. Apatova N. V. (2018). Social networks media in the digital economy. *Scientific proceedings of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management*, 4(4), 3-9.
35. Alesina N. V., Chuykov A. S., Bezmaternykh N. E. (2022). Role of digital payment systems in the process of the digital transformation of economy. *Economy*

- and business: theory and practice, 2, 10-13. doi: 10.24412/2411-0450-2022-284-10-13.
36. Kuzmina S. N., Chernikova A. V., Astrakhanseva A. L. (2023). Practice of use of Blockchain technology in auditing. *Petersburg economic journal*, 1, 85-94.
37. Yakovlev A. A., Lebedeva T. S. (2020). Use of Blockchain concept in order to improve the company's quality management system. *Petersburg economic journal*, 4, 167-176. doi: 10.24411/2307-5368-2020-10050.
38. Shkarupeta E. V., Babkin A. V., Ilyina E. A. (2024). Evaluation of digital reindustrialization of depressive regions of the Russian Federation. *Journal of the Chelyabinsk State University*, 6, 43-57. doi: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-43-57.
39. Göldi A. (2020). A blind spot for the dark side: the monopolies we didn't see coming. *Electronic Markets*, 30, 55-56. doi: 10.1007/s12525-020-00402-x
40. Balog M. M., Babkin A. V., Gadzhiev M. M. (2024). Economic security in the context of digitalization: approaches, trends and threats. *National interests: priorities and security*, 20(6), 1040-1060. doi: 10.24891/ni.20.6.1040.
41. Zaretskaya V. G., Solomko I. I. (2022). Digital economy in Russia: measurement, development forecasts. *Journal of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 12(5), 88-105. doi: 10.21869/2223-1552-2022-12-5-88-105.

УДК: 332.05

Анализ динамики результатов формирования человеческих ресурсов в регионах РФ в период перехода к инновационной экономике

М.А. Гундорова

¹ Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, 600000, Россия
mg82.82@mail.ru

Статья поступила 30.09.2024

Аннотация

Вопросы развития человеческих ресурсов в стране заставляют значительную часть научного сообщества определять необходимые факторы и направления совершенствования их качества. При этом все сильнее обнажается проблема высоких темпов сокращения населения и оттока научных и квалифицированных кадров. Для ее решения требуется создание солидного фундамента экономики знаний на территориях и необходимая мотивация трудового резерва. В рамках выполнения настоящей работы использованы данные официальной российской статистики и сформирован перечень индикаторов, выражающих непосредственно величину человеческого ресурса, а также его активность. При этом в качестве объектов исследования выбраны регионы четырех федеральных округов РФ, наиболее и наименее мощных (по критерию ВРП): Центрального, Приволжского, Сибирского и Дальневосточного.

Полученные результаты говорят о существенном количественном сокращении трудового потенциала практически во всех регионах и необходимости разработки и реализации на федеральном уровне дополнительных программ по улучшению демографической обстановки.

Принимая во внимание обнадеживающую динамику средней продолжительности жизни, в работе сделан вывод о том, что в стране отсутствует расширенное воспроизводство населения в 2010-2022 гг.: на фоне увеличения первого показателя произошел рост нагрузки на работоспособную часть людей на 15-20%.

Результаты проведенного исследования доказывают, что функционирование регионов в пределах одной страны не характеризуется одинаковыми показателями развития. Естественно, наличие значительных дисбалансов в освоении трудовых ресурсов только усугубляет экономические, демографические, социальные и институциональные проблемы и существенно образом «подавляет» динамику и ритм жизненно-важных процессов. Поэтому принципиально важным является учет и максимальный контроллинг тенденций освоения человеческого актива, а также выявление факторов, инициирующих дисбалансы на территориях. В этом плане возможно использование как комплекса оценочных методик, так и обновление какой-то одной рядом необходимых параметров.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, регионы, результаты, дисбалансы

JEL codes: O15

Analysis of the dynamics of the results of the formation of human resources in the regions of the Russian Federation during the transition to an innovative economy

M.A. Gundorova

¹ Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, 600000, Russian Federation
mg82.82@mail.ru

Received 30.09.2024

Abstract

The issues of human resource development in the country force a significant part of the scientific community to determine the necessary factors and directions for improving their quality. At the same time, the problem of high rates of population decline and the outflow of scientific and qualified personnel is increasingly being exposed. To solve it, it requires the creation of a solid foundation for the knowledge economy in the territories and the necessary motivation of the labor reserve. As part of this work, data from official Russian statistics were used and a list of indicators was formed that directly express the size of the human resource, as well as its activity. At the same time, the regions of four federal districts of the Russian Federation, the most and least powerful (according to the GRP criterion), were selected as objects of research: Central, Volga, Siberian and Far Eastern regions.

The results obtained indicate a significant quantitative reduction in the labor potential in almost all regions and the need to develop and implement additional programs at the federal level to improve the demographic situation. Taking into account the encouraging dynamics of average life expectancy, the work concludes that there is no expanded reproduction of the population in the country in 2010-2022: against the background of an increase in the first indicator, there was an increase in the burden on the working-age part of people by 15-20%.

The results of the study prove that the functioning of regions within the same country is not characterized by the same indicators of development. Naturally, the presence of significant imbalances in the development of labor resources only exacerbates economic, demographic, social and institutional problems and significantly "suppresses" the dynamics and rhythm of vital processes. Therefore, it is fundamentally important to take into account and maximize the control of trends in the development of human assets, as well as to identify factors that initiate imbalances in the territories. In this regard, it is possible to use both a set of evaluation techniques and update one of the necessary parameters.

Keywords: human resources, regions, results, imbalances

Введение

Любая социально-экономическая система, в т.ч. региональная, всецело зависит от качества обеспечивающих ее жизнедеятельность человеческих ресурсов, формирующих определенную институциональную среду и задающих ритм хозяйственным процессам. С одной стороны, процессы цифровизации зачастую обесценивают потребность в живой силе и людском капитале, а, с другой, – открывают новые горизонты для современных профессий и сталкиваются с дефицитом кадров. Поэтому рассматриваемая тема выступает достаточно актуальной и многогранной, и пересекается практически со всеми индикаторами, характеризующими воспроизводственную сферу. В свою очередь, выбор необходимого числа параметров, интерпретирующих работоспособность, уровень интеллектуализации и конечные результаты функционирования людских ресурсов является достаточно сложной и дискуссионной задачей. Но чем более проработанным окажется этот вопрос, тем, безусловно, эффективней можно будет контролировать и самое главное, управлять

трудовым резервом не только микро-, но мезо- и макро-уровней. В данной работе предпринята попытка оценки заданной категории в динамике и в пространстве с помощью нескольких параметров, которые естественно, могут быть пересмотрены при проведении конкретных научных исследований. Это позволит более полно исследовать человеческую компоненту на этапе перехода территорий к инновационной экономике.

Анализ последних исследований и публикаций

Проблемы организации, консолидации и развития человеческих ресурсов в стране поднимаются многими представителями научной и политической элиты на протяжении, как минимум, последних двух десятилетий. Высокие темпы сокращения населения, отток научных кадров, предпринятые программы по улучшению демографической ситуации подтверждают факт остроты вопроса. С другой стороны, необходимость создания солидного интеллектуального фундамента в обществе и формирования экономики знаний, в целом, заставляют определять направления и факторы, способствующие развитию

человеческого актива. Естественно, можно долго и, скорее всего, бесконечно спорить о том, чем отличается категория «человеческие ресурсы» и «человеческий капитал», «трудовой потенциал», «интеллектуальные ресурсы» и т.д.

Так, например, исследователи из РАНХиГС (г. Москва) под человеческим капиталом понимают знания и навыки людей как ресурс, позволяющий им производить ценности в той или иной экономической системе [1, с. 62]. И в данном определении прослеживается отождествление «капитала» и «ресурса».

Другие ученые настаивают на разграничении, казалось бы, близких понятий. По их убеждению, человеческий потенциал – это те качества индивидуума, которые ему изначально свойственны: врожденные способности и талант: логико-математический, лингвистический, пространственный, музыкальный, внутриличностный, межличностный и натуралистический интеллект. Человеческий капитал же относится к знаниям, навыкам и опыту, которыми обладает работник и осваивает в ходе трудовых процессов [2, с. 80].

Но в любом случае, указанные, зачастую альтернативные и/или близкие по смыслу трактовки объединяют степень способности населения в решении социально-экономических и воспроизводственных задач, создающих возможности для конкретной территории перехода на более сложный хозяйственный и технологический уклад.

На этой основе представляется необходимым рассмотреть аргументы различных исследователей о важности данной темы. И.В. Царенко, не проводя поиска различий между дефинициями, и, даже может быть, оправданно, закономерно утверждает, что в условиях технологической революции и массового внедрения инноваций во все сферы деятельности возникает необходимость организации качественных и востребованных рабочих мест. Именно в данном направлении конкурентный человеческий капитал

выступает ключевым вектором развития. В целях генерации эффективного человеческого капитала требуется четкий алгоритм действий по выявлению тенденций развития, воспроизводства, а также прогнозированию возможных последствий [3, с. 397].

Великая Н. М. и Гребняк О. В. считают, что игнорирование негативных тенденций, откладывание решения острых проблем в сфере воспроизводства человеческого капитала могут оборачиваться катастрофическими последствиями [4, с. 41].

Соболева И.В. и Чубарова Т.В. указывают на то, что системный мониторинг угроз и вызовов (социальных, демографических, технологических, институциональных) в сфере воспроизводства человеческого потенциала получает дополнительную актуальность за счет расширения возможностей определения проблемных зон и приоритетов социальных инвестиций [5, с. 41].

В ракурсе рассматриваемой темы ряд отечественных исследователей заявляет о необходимости обеспечения демографической безопасности в целях преодоления депопуляционных процессов в обществе и оптимизации показателей воспроизводства населения. Это, в свою очередь, требует научно-обоснованной проработки дополнительных социально-экономических и демографических программ за счет осуществления подробных статистических исследований сформировавшихся тенденций, а также прогнозных оценок демографических параметров [6, с. 156].

В итоге, важность рассматриваемой темы продиктована проблемами, хозяйственного, демографического, социального и научного развития и служит ключевым аспектом обеспечения экономической безопасности государства и его территорий.

Данные и методы

Для выполнения настоящей работы представляется целесообразным обратиться к данным официальной российской

статистики [7] и воспользоваться рядом индикаторов, выражающих непосредственно величину человеческого ресурса, а также его активность. При этом в качестве объектов исследования предлагается принять регионы четырех федеральных округов РФ, наиболее и наименее мощных (по критерию ВРП): Центрального, Приволжского, Сибирского и Дальневосточного. Идея исследования заключается в проверке гипотезы о наличии связи между хозяйственным имиджем территории и уровнем развития человеческих ресурсов, а также динамикой их изменения.

Базовыми индикаторами для выполнения авторских расчетов предлагается принять среднюю продолжительность жизни населения (лет), коэффициент демографической нагрузки (чел. /1000 чел.) и среднедушевой оборот малого бизнеса в регионе (тыс. руб. /чел.). При этом последний показатель является комбинированным и вычисляется с помощью дополнительных расчетов на основе уже упомянутой информации Росстата посредством отношения денежного оборота малых и средних предприятий к численности населения конкретной территории за определенный период.

Индикаторами для анализа второго порядка в данной работе принимаются средние значения показателей (А), вариация (V), медиана (М), процент изменения двух последних (% Δ). Кроме того, в исследовании стоит задача сопоставления данных за 2022 и 2010 гг. для решения вопроса о том, в каком направлении происходят трансформации в отношении человеческого капитала.

Стоит дополнить, что в предшествующих исследованиях уже сделаны попытки тестирования различных эконометрических инструментов на данных реальной статистики [8]. Но поскольку рассматриваемая тема в плоскости региональной экономики неизбежно пересекается со всеми другими направлениями жизнедеятельности социально-экономических систем, в

большей или меньшей степени, ее изучение требует постоянных уточнений и модернизации используемого количественного аппарата.

Результаты исследования

Результаты выполненных в работе расчетов предлагается представить в разрезе анализируемых процессов. Как и предполагалось, они не могут однозначно трактоваться и быть исключительно обнадеживающими или, наоборот, вызывать разочарование.

Что касается первого индикатора, нужно признать, что средняя продолжительность жизни с 2010 года практически по всем регионам страны увеличилась на 3-4 года. В этом, бесспорно, имеется огромная заслуга медицины, освоения новых практик и технологий лечения и предотвращения заболеваний, и, в целом, научно-технического прогресса, который позволяет сократить нагрузку на конкретного индивидуума и переложить ее на автоматизированные системы. Но стоит подчеркнуть тот факт, что, если в Центральной России данный показатель вырос с 70 лет в 2010 году до 74 в 2022, то, например, на Дальнем Востоке он изменился в среднем за тот же период с 66 до 70 лет (рис. 1). При этом наименее перспективным с точки зрения формирования человеческих ресурсов выступает Чукотский автономный округ, демонстрирующий запредельно низкую, по сути, «средневековую» статистику в 57,5 лет в 2010 году и 66,2 в 2022 году соответственно. Поэтому значительную дифференциацию совершенно очевидно можно констатировать не только между федеральными округами РФ, но и между регионами, их образующими.

Полученные результаты расчетов согласуются с выводами ряда ученых. Как отмечает К. О. Кононенко, в стране обострилась проблема дифференциации уровня человеческого развития в регионах России. К основным факторам, препятствующим равномерному росту человеческого потенциала в регионах, относятся: 1) дифференциация оплаты труда

по сферам деятельности, профессиям и регионам; 2) уровень инфляции и безработицы; 3) низкий уровень пенсионного обеспечения [9, с. 162-163].

Специалисты совершенно справедливо указывают на то, что сложная многоуровневая система укрепления общественного здоровья требует соответствующего механизма координации. Для интеграции вопросов общественного развития в региональные документы стратегического планирования, вовлечения муниципалитетов в управление общественным здоровьем, в настоящее время требуется формирование единого цифрового пространства для диагностики базовых процессов, анализа эффективности реализуемых проектов [10, с. 38].

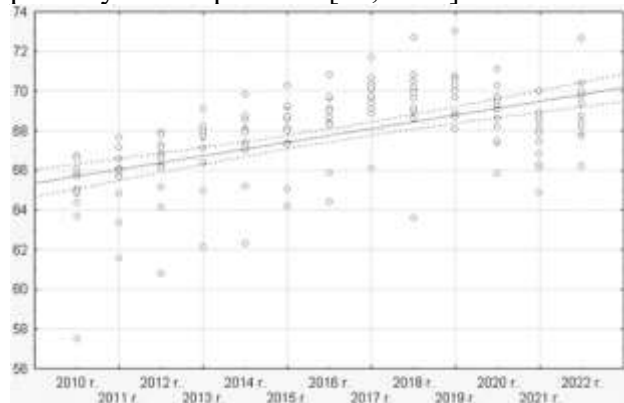

Рис. 1. Диаграмма рассеяния значений средней продолжительности жизни в регионах Дальнего Востока

Рассмотрение динамики изменения второго показателя — демографической нагрузки за 2010-2022 гг. позволяет отметить, что она во всех рассматриваемых регионах, да и в целом по РФ, увеличилась на 100-150 единиц, что не может вселять какого-либо оптимизма. При этом наиболее «провальные» результаты зафиксированы за Приволжским федеральным округом: если на 1000 человек трудоспособного возраста в 2010 году на данной территории приходилось 634 человека нетрудоспособных возрастов, то в 2022 году — уже 789 (рис. 2).

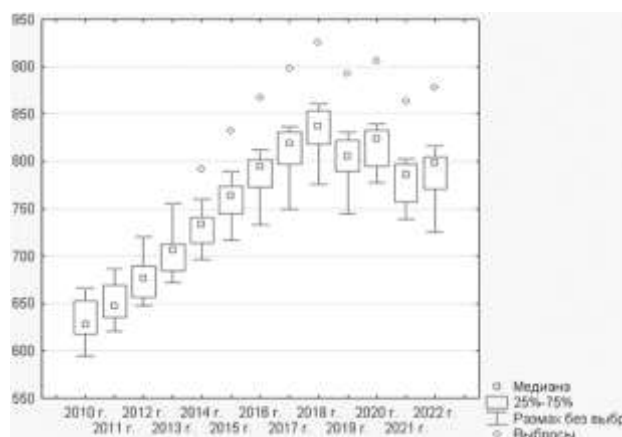

Рис. 2. Диаграмма размаха значений демографической нагрузки по регионам ПФО

А в наиболее благополучном по этому критерию округе — Дальневосточном, — соответствующие значения составляют 585 и 705 человек соответственно. В любом случае, полученные результаты говорят о существенном количественном сокращении трудового потенциала практически во всех регионах и необходимости разработки и реализации на федеральном уровне дополнительных программ по улучшению демографической обстановки.

Причем, принимая во внимание обнадеживающую динамику первого показателя, можно прийти к выводу, что в стране отсутствует расширенное воспроизводство населения в последнее десятилетие: на фоне увеличения средней продолжительности жизни произошел рост нагрузки на работоспособную часть людей на 15-20%.

Естественно, первые два индикатора не могут максимально полно идентифицировать ситуацию с освоением человеческих ресурсов на выбранной территории. Поэтому для определения качества и отдачи от этих ресурсов предлагается воспользоваться третьим, комбинированным компонентом, характеризующим совокупный поток (в расчете на одного жителя), который воспроизводит предпринимательский сектор экономики, а также удельную бизнес-активность населения.

М. Р. Искаков и Л. А. Мизринь, к примеру, очень аргументировано указывают на то, что человеческое развитие в

современных условиях зависит от таланта и способности нестандартного мышления населения, которые создают добавленную стоимость в экономике развитых стран. Креативные индустрии прогрессируют в структурах экономик множества государств и формируют значительную долю ВВП [11, с. 21]. В итоге данные способности воплощаются, в первую очередь, в умении разрабатывать предпринимательский продукт, в активном ведении малого и среднего бизнеса.

Результаты анализа третьего индикатора, среднелюдского оборота малого бизнеса, свидетельствуют о практически трехкратном его увеличении в целом по РФ. При этом данную динамику поддержали практически все регионы, что вполне закономерно: инфляция и рост цен объясняют тотальное увеличение валового продукта, созданного предпринимательским сектором в денежном эквиваленте. Но в данном случае наибольший исследовательский интерес вызывает изменение показателя вариации, т.е. среднего разброса значений между искомыми результатами в разрезе федеральных округов. Данные расчетов показывают, что позитивную трансформацию в плане сокращения дисбалансов демонстрирует лишь ЦФО («-13,6 %»). Наиболее неудовлетворительное изменение уровня межрегиональной дифференциации показывает ПФО («+ 22,9 %»), хотя по состоянию на последний отчетный период данный округ имеет минимальное значение из перечня рассмотренных территорий (32,6%).

И.А. Антипин и Е.А. Шишкина при исследовании межрегиональной дифференциации приходят к выводу о том, что, несмотря на различные причины возникновения пространственных дисбалансов, их взаимообусловленность, взаимосвязь, влияние на свойства пространства не вызывает сомнений. Регулирование диспропорциональности пространственного развития играет стратегическую роль и требует комплекса

решений экономической, инфраструктурной, социальной направленности [12, с. 193].

Итоговая таблица результатов исследования динамики и изменения уровня дисбалансов в освоении человеческих ресурсов в выбранных округах приведена в таблице 1.

Таблица 1. Результаты исследования динамики и изменения уровня дисбалансов в освоении человеческих ресурсов на территориях РФ

Параметры		Федеральный округ			
		ЦФО	ПФО	СФО	ДФО
Продолжительность жизни, лет	A 2010	69,93	68,38	67,10	65,76
	A 2022	73,93	72,39	70,44	69,54
	% Δ V 2022/2010	-4,55	-0,59	-44,26	-37,53
	% Δ M 2022/2010	5,07	5,42	4,35	5,69
Демографическая нагрузка	A 2010	631,00	634,00	617,00	585,00
	A 2022	757,00	789,00	776,00	705,00
	% Δ V 2022/2010	3,24	38,02	34,59	11,64
	% Δ M 2022/2010	17,28	27,15	25,86	32,83
Среднелюдской оборот малого бизнеса	A 2010	183,61	102,77	109,30	130,50
	A 2022	572,39	355,43	161,90	230,15
	% Δ V 2022/2010	-13,62	22,97	6,95	7,49
	% Δ M 2022/2010	219,68	207,36	208,30	214,10

Как показывают итоговые расчеты, ни одна из рассматриваемых территорий не может быть признана абсолютным лидером по совокупности анализируемых индикаторов. Так, максимальную среднюю продолжительность жизни демонстрирует ЦФО, а по уровню демографической нагрузки значительный перевес имеет ДФО, но прослеживается неудовлетворительная динамика достижения наихудших значений, учитывая серьезный процент изменения медианы за последнее десятилетие.

Выполненное исследование позволяет построить лепестковую диаграмму по любой группе показателей, идентифицирующих освоение человеческих ресурсов. Пример

подобного графика сформирован на основе характеристик среднедушевого оборота малого бизнеса, при этом произведено нормирование показателей, где наилучшему значению присваивается 1 (рис. 3). Из графика видно, что в целом за последнее десятилетие максимальная активность в предпринимательском секторе, как и ожидается, обеспечивается в ЦФО. Менее выразительные результаты показывают ПФО и ДФО, а самые низкие – СФО. При этом вызывает настороженность тот факт, что в последнем имеются крупные промышленные и научные территории – Новосибирск, Омск, Томск. Но система поддержки, задающей синергетический эффект в виде сотрудничества с малым бизнесом в округе явно требует дополнительной проработки. С другой стороны можно предположить, что Дальневосточная территория, граничащая с рядом Азиатских стран, извлекает более ощутимую выгоду от данного соседства, что всецело отражается на полученных результатах.

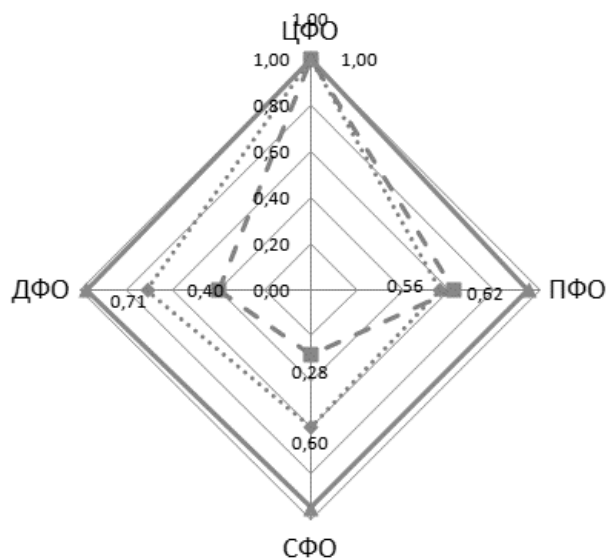

Рис. 3. Диаграмма активности освоения человеческих ресурсов в малом бизнесе по федеральным округам

Условные обозначения:

- ...◆... A 2010
- A 2022
- ▲— %ΔМ

Заключение

Обращаясь к результатам исследования на основе проведенных в работе расчетов, можно отметить, что функционирование рассматриваемых регионов в пределах одной страны еще вовсе не означает достижение примерно одинаковых показателей развития. И это относится не только к использованию человеческих ресурсов, а распространяется практически на все направления и сферы деятельности.

Естественно, наличие значительных дисбалансов в освоении возможностей народонаселения в пределах конкретного государства только усугубляет экономические, демографические, социальные и институциональные проблемы и существенным образом «съедает» динамику и ритм жизненно-важных процессов.

Поэтому принципиально важным является учет и максимальный контроллинг тенденций освоения человеческого актива, а также выявление факторов, инициирующих дисбалансы на территориях. В этом плане возможно использование как комплекса оценочных методик, так и обновление какой-то одной рядом необходимых параметров.

Предложенный в данной работе подход может быть полезен в исследовательских и практических целях для анализа состояния трудового, знаниеемкого и креативного резерва региона и формирования направлений по его максимально эффективному использованию.

Список литературы

1. Божечкова А.В., Джункеев У.К., Диденко Д.В., Кончаков Р.Б. Человеческий капитал и экономическое развитие регионов России в контексте долгосрочной исторической динамики // *Terra Economicus*. – 2024. – 22(2). – С. 60–76.
2. Гагарина Г.Ю., Горохова И.В., Гретченко А.И. Устойчивое развитие человеческого потенциала – стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России // *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. – 2024. – 3. – С. 77-91.
3. Царенко И.В. Формирование конкурентоспособного человеческого капитала

как приоритетное направление развития рынка труда // Научные труды ВЭО России. – 2024. – Т. 246. – С. 389-402

4. Великая Н. М., Гребняк О. В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 33-44.
5. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 5. – С. 40–58.
6. Золотарева О.А., Накисбаев Д.В. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 154–173.
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (Дата обращения: 25.09.2024)
8. Фраймович Д.Ю., Мищенко З.В., Гундорова М.А. Диагностика качества управления социально-экономическими и научными процессами в регионах РФ и обоснование специфики посткризисных результатов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 1 (61). – С. 93–100
9. Кононенко К.О. Проблемы дифференциации человеческого развития в регионах Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2024. – № 2. – С. 161-171.
10. Кувшинников О.А., Рыбальченко С.И., Шестакова Т.Е. Укрепление общественного здоровья – приоритет государственной региональной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 32–48.
11. Искаков М.Р., Мизринь Л.А. Человеческое развитие как фактор креативной экономики // Известия Санкт-петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 4 (142). – С. 19-24
12. Антипин, Е.А. Шишкина. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды ВЭО России. – 2024. – Т. 247. – С. 179-201.

References

1. Bozhechkova A.V., Dzhunkeev U.K., Didenko D.V., Konchakov R.B. (2024) Human capital and economic development of Russian regions, with special reference to long-term historical dynamics. *Terra Economicus*, 22(2), 60–76.
2. Gagarina G.Yu., Gorokhova I.V., Gretchenko A.I. (2024) Sustainable Development of Human Potential as Strategic Priority of Providing National Security. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 3, 77-91.
3. Tsarenko I. V. (2024) Formation of competitive human capital as a priority area of labor market development. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 246, 389-402.
4. Velikaya N. M., Grebnyak O. V. (2023) Human potential development in the context of digital transformation in modern Russia. *Management Issues*, 17(2), 33-44.
5. Soboleva I. V., Chubarova T. V. (2023) Challenges for Human Potential Reproduction: Global Trends and Russian Specifics. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, 40–58.
6. Zolotareva O.A., Nakisbaev D.V. (2024) Demographic security of Russia: Trends and forecasts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (3), 154–173
7. Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (Date of access: 25.09.2024)
8. Fraymovich D.Yu., Mischenko Z.V., Gundorova M.A. (2023) The quality management diagnostics of socio-economic and scientific processes in the Russian Federation and substantiation of the specifics of post-crisis results. *Vestnik Tver State University. Series: Economics and Management*, 1 (61), 93–100.
9. Kononenko K.O. (2024) Problems of Human Development Differentiation in Russian Regions. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2, 161-171.
10. Kuvshinnikov O.A., Rybalchenko S.I., Shestakova T.E. (2023) Public health promotion as a priority for regional governmental policy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 32–48.
11. Iskakov M.R., Mierin L.A. (2023) Human development as a factor of the creative economy. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*, 4 (142), 19-24.
- Antipin I. A., Shishkina E. A. (2024) Strategic management of imbalances in the socio-economic and spatial development of Russian regions. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 247, 179-201.

УДК 339.37

Платформенная трансформация и сервисизация: взаимосвязь тенденций развития экономики

И. Д. Котляров

Высшая школа сервиса и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, ул. Новороссийская, д. 50, 194021, Россия

¹ivan.kotliarov@mail.ru

Статья поступила 20.11.2024

Аннотация

В настоящее время можно говорить о совместной реализации ряда тенденций развития экономики (переход к платформенной модели, цифровая трансформация, ESG-трансформация, сервисизация и т. д.). Однако взаимосвязь этих тенденций в существующей литературе изучена в недостаточной степени. Цель данной статьи заключается в выявлении взаимосвязи платформенной и сервисной трансформации. Показано, что платформенная модель соответствует природе услуги и возникающих в ходе ее предоставления экономических отношений. Платформенный формат позволяет устранить проблемы, характерные для индустриальной модели сферы услуг. Благодаря этому платформенная трансформация способствует улучшению доступа населения к услугам и росту сферы услуг. Сформулировано предположение, что платформа является естественной формой функционирования сервисного предприятия. Показано, что изменение характера трудовых отношений, происходящее в настоящее время, связано с необходимостью обеспечить соответствие природы этих отношений специфике сервисной экономики.

Ключевые слова: платформы, платформенная трансформация, сфера услуг, сервисизация

JEL codes: L80, N70

Platform transformation and servitization: the relationship of trends of economic development

I. D. Kotliarov

Graduate School of Service and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg,
ul. Novorossiyskaya, dom 50, 194021, Russia

¹ivan.kotliarov@mail.ru

Received 20.11.2024

Abstract

The modern economy is simultaneously evolving in many directions (transition to platform model, digital transformation, ESG-transformation, servitization etc). However, the relationship of these trends remains understudied in the extant literature. The goal of the present paper is to identify the relationship between platform transformation and service transformation. The paper demonstrates that the platform model corresponds to the nature of service as well as to the nature of economic relations that emerge during the process of service provision. Platform format makes it possible to eliminate problems typical for the industrial model of service sector. Due to this platform transformation contributes to customers' better access to services and to growth of the service sector. The hypothesis is put forth that a platform is a natural form of service companies. The paper demonstrates that the transformation of labor relations which is taking place now is related to the need to ensure the correspondence between the nature of labor relations and the specific features of service economy.

Keywords: platforms, platform transformation, service sector, servitization

Введение

Трансакционные платформы (далее для краткости просто платформы) в настоящее время становятся ведущей моделью организации хозяйственной деятельности благодаря ее преимуществам по сравнению с традиционной моделью, основанной на иерархических фирмах [1, 2, 3, 4, 5]. Предприятия активно внедряют различные платформенные инструменты (переход компании от фирменной к платформенной модели может быть назван платформенной трансформацией), а платформы охватывают разные сферы экономики [6, 7, 8, 9], что позволяет называть современную стадию развития капитализма капитализмом платформ [10]. Однако платформенной трансформацией тенденции эволюции как отдельных хозяйствующих субъектов, так и экономики в целом не ограничиваются. К числу других трендов можно, в частности, отнести (перечень, разумеется, не исчерпывающий):

- цифровую трансформацию, связанную с освоением передовых информационных технологий и основанных на их использовании инновационных организационных решений [11, 12, 13, 14];

- ESG-трансформацию, направленную на отказ бизнеса от исключительной ориентации на получение прибыли и на повышение социальной и экологической ответственности предпринимательских структур и на обеспечение его прозрачности [15]. Частными случаями ESG-трансформации являются инклюзивная трансформация [16] и «зеленая» трансформация [17, 18];

- сервисную трансформацию (сервисизацию), суть которой заключается в замещении (дополнении) товаров услугами и, как следствие, в быстром росте сферы услуг. Сервисная трансформация позволяет, не увеличивая благосостояние населения, существенно повысить качество его жизни.

Однако важно подчеркнуть, что перечисленные выше тенденции в существующей литературе анализируются преимущественно отдельно друг от друга, без выявле-

ния их взаимосвязей. Вероятно, единственным значимым исключением являются цифровая трансформация и платформенная трансформация, по которым существует консенсус относительно того, что платформенная модель относится к тем передовым организационным решениям, реализация которых опирается на инновационные цифровые инструменты. Недостаточное внимание к взаимосвязям этих тенденций развития экономики и бизнеса, по нашему мнению, не позволяет построить целостную картину происходящей эволюции хозяйственной деятельности. С практической точки зрения это препятствует разработке инструментов и стратегий совместной реализации этих тенденций для повышения эффективности как отдельных предпринимательских структур, так и национальной экономики в целом.

Цель данного исследования состоит в выявлении взаимосвязей платформенной и сервисной трансформации.

Анализ последних исследований и публикаций

Существующие исследования по тематике взаимосвязи платформенной и сервисной трансформации могут быть, с известной долей условности, разбиты на два блока:

- работы, в которых рассматривается применение платформенной модели в сервисных отраслях экономики [20, 21]. В этих публикациях речь идет не о платформенной трансформации как о самостоятельной тенденции развития бизнеса, а о платформенных решениях как о способе повышения эффективности предприятий сферы услуг;

- работы, посвященные изучению потенциала применения платформ для сервисизации компаний-производителей товаров [22, 23, 24]. Как и в первом блоке исследований, данные публикации рассматривают платформенные инструменты исключительно с прикладной точки зрения и не содержат в себе попыток выявить содержательные взаимосвязи между платформенной и сервисной трансформацией. Кроме того, в этих

работах термин «платформа» понимается не как транзакционная платформа, а как корпоративный сервис по управлению данными потребителей (что связано с размыванием значения данного термина ввиду его чрезмерно широкого использования).

Таким образом, можно говорить о том, что взаимосвязь платформенной и сервисной трансформации как одних из ключевых тенденций развития экономики и бизнеса пока не получила достаточного освещения, что указывает на необходимость выявления этой взаимосвязи.

Данные и методы

В данном исследовании под платформами понимаются транзакционные платформы, т. е. площадки (как цифровые, так и физические), предназначенные для обмена товарами и услугами между независимыми участниками хозяйственной деятельности [1, 25, 26]. Иными словами, в отличие от традиционной иерархической фирмы, которая приобретает в собственность ресурсы, необходимые ей для создания ценности в интересах потребителя, платформа лишь стыкует независимых провайдеров услуг (продавцов товаров) с потребителями [1, 25, 26]. Предполагается, что покупатели взаимодействуют с продавцами напрямую, платформа выступает исключительно в роли площадки для этого взаимодействия.

Разумеется, формальная юридическая независимость продавцов (провайдеров) от оператора платформы не означает, что он в той или иной степени не контролирует их деятельность (примеры таких платформ, как Ozon и Uber, напротив, говорят о наличии достаточно жесткого контроля). Независимость в первую очередь означает то, что платформа не берет на себя риски предпринимательской деятельности представленных на ней провайдеров (продавцов), а лишь оказывает им услуги по доступу к своей торговой (транзакционной) площадке. В этом отношении платформы обладают определенным сходством с франчайзингом, где франчайзи, также контролируемые франчайзером, тем не менее не принадлежат ему и самостоятельно несут предпринимательские

риски. Интересно отметить, что специалисты указывают на близость отдельных разновидностей платформ с франчайзингом [27].

Наличие контроля со стороны оператора платформы означает, что реализуемое на этой платформе взаимодействие провайдера и потребителя не является абсолютно прямым. В той или иной степени оно координируется, контролируется и обеспечивается платформой [25, 28]. Тем не менее, с формальной точки зрения сделка на платформе заключается именно между продавцом и потребителем.

Кроме того, не следует думать, что платформа всегда ограничивается только стыковкой продавцов и покупателей. В ряде случаев платформы могут обладать достаточно развитой инфраструктурой, необходимой для поддержки взаимодействия своих участников (прежде всего, транспортно-логистической).

Данная статья представляет собой концептуальное исследование, не опирающееся на использование эмпирических данных и основанное на описательном обзоре источников (в число которых входят публикации по платформенной и сервисной трансформации). Для его проведения мы опирались на общенаучный метод анализа и синтеза.

Результаты исследования

Признаки услуги

Очевидно, что для выявления взаимосвязей сервисной и платформенной трансформации необходимо описать отличительные признаки услуг и показать, как они связаны с природой платформ. С точки зрения целей нашего исследования наиболее важным признаком услуги является прямое взаимодействие потребителя и провайдера. Это означает, что для предоставления услуги необходимо каким-либо образом их совместить. При этом, с учетом значимости услуг для современного потребителя, требуется обеспечить наличие большого количества потенциальных провайдеров услуг (чтобы гарантировать получение этих услуг клиентами).

Говоря о прямом взаимодействии потребителя и провайдера, необходимо разграничивать в нем две составляющих:

- производственное взаимодействие, т. е. выполнение провайдером технических действий, связанных с предоставлением услуги. Без прямого производственного взаимодействия оказание услуги невозможно, и именно эта составляющая взаимодействия неявно имеется в виду, когда говорится о необходимости прямого взаимодействия провайдера и потребителя услуги;

- экономическое взаимодействие, которое означает, что экономические отношения, возникающие между провайдером и потребителем, не опосредуются третьей стороной (например, заведением, работником которого является провайдер). Хотя с технической точки зрения для предоставления услуги в прямом экономическом взаимодействии необходимости нет, его наличие в ряде случаев может существенно повысить качество услуги.

В индустриальной (доплатформенной и доцифровой) экономике услуги чаще всего предоставлялись специализированными заведениями, которые формировали необходимую для этого ресурсную базу и нанимали сотрудников, а также обеспечивали соблюдение определенных стандартов качества. При этом предоставление услуг было организовано по индустриальной модели, т. е. было централизованным (в большинстве случаев для получения услуги клиент должен был самостоятельно посетить заведение). Услуга при этом предоставлялась заведением (хотя ее непосредственным оказанием клиенту занимался конкретный сотрудник), т. е. взаимодействие сотрудника (как провайдера услуги) и клиента не было в полной мере прямым, что ограничивало возможности удовлетворения запросов потребителя и снижало заинтересованность провайдера (сотрудника) в максимально качественном предоставлении услуги (поскольку это в ряде случаев не влияло на его вознаграждение). Таким образом, индустриальная модель сферы услуг в некоторой степени противоречила самой природе услуги.

Интересно отметить, что при этом именно в сфере услуг широкое распространение получили разнообразные инструменты выстраивания прямых экономических отношений между провайдерами и потребителями. Речь идет о чаевых, разнообразных «подарках» и т. д.

Платформы и услуги

Как следует из вышеизложенного, платформы устранили основные недостатки индустриальной модели функционирования сферы услуг:

- отсутствие прямых экономических отношений между провайдером и потребителем услуги. Благодаря платформам возникла возможность выстраивания таких отношений. Фактически можно говорить о том, что платформы позволили сфере услуг вернуться к своей экономической природе. Можно переформулировать это утверждение несколько иначе: естественной формой функционирования предприятия сферы услуг является платформа, где сервисные провайдеры напрямую взаимодействуют с потребителями, а операторы платформы предоставляют инфраструктуру для этого взаимодействия. Справедливость этого утверждения подкрепляется тем, что, как было сказано, даже в условиях индустриальной модели сферы услуг происходил частичный переход к платформенной модели взаимодействия (чаевые и т. д.);

- нехватка провайдеров услуг (обусловленная ограниченными возможностями сервисных предприятий по формированию необходимой инфраструктуры и привлечению сотрудников). Платформы могут гибко привлекать провайдеров со своими собственными ресурсами;

- централизация. Платформы обеспечивают децентрализованное предоставление услуг. Если в индустриальной модели сферы услуг набор активов, используемый для предоставления услуги, был централизованным с физической и юридической точки зрения (например, гостиница), то в платформенной экономике, благодаря цифровым технологиям, сервисные активы (например, квартиры на Airbnb) не формируют физиче-

ского и юридического единства, однако основаны на цифровом единстве (они объединены в комплексное предложение, доступное для потребителей на одной площадке). Наличие такого цифрового единства позволяет эффективно управлять пулом разрозненных активов, а их децентрализация упрощает доступ к ним потребителей (поскольку она существенно повышает вероятность наличия провайдера услуги в месте, удобном для потребителя).

Разумеется, в разных отраслях сферы услуг и на разных платформах эти преимущества платформенной модели представлены в разной степени. Однако речь идет о принципиальном наличии этих преимуществ, которые обеспечили соответствие платформенной модели природе сферы услуг. Можно предположить, что эти преимущества способствовали как быстрому росту платформ в условиях сервисной экономики, так и развитию сферы услуг.

Обсуждение

Важным следствием является то, что развивающаяся в условиях платформенной экономики платформенная занятость, не предполагающая постоянного трудоустройства и гарантированной заработной платы и в силу этих своих особенностей рассматриваемая как нестандартная занятость [29], на самом деле является нестандартной лишь с точки зрения индустриальной модели, тогда как она полностью соответствует условиям сервисной экономики. Иными словами, платформенную занятость можно описать как сервисную или постиндустриальную занятость, или же как новую нормальность для трудовых отношений. Это ни в коем случае не означает, что не следует принимать меры по защите интересов платформенных работников. Речь идет лишь о том, что меры по такой защите, разработанные в рамках индустриальной экономики, не соответствуют условиям сервисной экономики. Таким образом, необходима разработка новых инструментов защиты работников в условиях распространения платформ.

Заключение

Выполненный в данной работе обзор позволяет предположить наличие взаимозависимости между сервисной трансформацией и платформенной трансформацией. Переход к экономике услуг создает благоприятные условия для развития платформ, а повсеместное распространение платформ, в свою очередь, повышает доступность услуг и способствует росту числа сервисных провайдеров.

При этом, разумеется, сервисизация не является единственным фактором платформенной трансформации хозяйственной деятельности. Эта трансформация обуславливается рядом объективных тенденций социально-экономического развития. Речь, скорее, идет о необходимости принимать во внимание взаимосвязь сервисной и платформенной трансформации как с точки зрения теоретического осмысления этих концепций, так и с точки зрения применения основанных на них инструментов в практике бизнеса.

Важно подчеркнуть, что переход к платформенной занятости может рассматриваться не только как слом индустриальной модели трудовых отношений, но и как возникновение новой нормальности, соответствующей условиям платформенной и сервисной экономики. Это означает, что в современных условиях приоритетное значение может иметь не искусственный возврат к индустриальной модели трудовых отношений, а поиск новых инструментов, направленных на защиту интересов работников и учитывающих особенности платформенной экономики.

Ключевым результатом данной работы является предположение, что естественной формой функционирования сервисного предприятия является платформа (в отличие от производственной компании, где целесообразнее использовать иерархическую фирму). Это предположение означает, что фирма и платформа противопоставляются не только по своей организационно-экономической природе, но и по отраслевому применению. Данное предположение, разумеется, нуждается в более глубоком теоретическом и эмпирическом обоснова-

нии, но в случае своей справедливости оно позволит лучше понять природу сервисных предприятий, что, в свою очередь, создаст возможность разработки инструментов для повышения эффективности управления ими.

Список литературы

1. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary P. S. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You. N. Y.: W. W. Norton and Company, 2016. – 332 p.
2. Маркова В. Д. Бизнес-модели компаний на основе платформ // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 127-135.
3. Маркова В. Д. Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию // ЭКО. – 2019. – № 5. – С. 106-123.
4. Устюжанина Е. В., Дементьев В. Е., Евсюков С. Г. Трансакционные цифровые платформы: задача обеспечения эффективности // Экономика и математические методы. – 2021. – Т. 57. – № 1. – С. 5-18.
5. Шаститко А. Е., Маркова О. А. Эффекты становления и функционирования многосторонних рынков: подходы к исследованию // Общественные науки и современность. – 2019. – № 3. – С. 52-65.
6. Долженко Р. А. Некоторые вопросы оценки эффективности краудфандинга на отечественной краудфандинговой платформе «Планета» // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 4. – С. 75-84.
7. Маркова О. А. Аэропорты как платформы: следствия для антимонопольного правоприменения // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 3. – С. 80-91.
8. Шаститко А. Е., Маркова О. А. Агрегаторы вокруг нас: новая реальность и подходы к исследованию // Общественные науки и современность. – 2017. – № 4. – С. 5-15.
9. Шаститко А. Е., Маркова О. А. Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. – 2020. – № 6. – С. 37-55.
10. Сриччек Н. Капитализм платформ. – М.: ВШЭ, 2021. – 128 с.
11. Апатова Н. В. Управление процессами цифровой трансформации бизнеса // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 3-8.
12. Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2. – С. 104-115.
13. Суворова С. Д., Куликова О. М. Цифровая трансформация бизнеса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2022. – № 2. – С. 54-59.
14. Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Qi Dong J., Fabian N., Haenlein M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – pp. 889-901.
15. Леценко О. А., Корчагина Е. В. Методика оценки эффективности деятельности компаний в сфере КСО // Менеджмент в России и за рубежом. – 2014. – № 5. – С. 3-17. doi: <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2020-12-5-79-96>
16. Вашкевич Н. П., Барыкин С. Е. Развитие инклюзивного туризма в Российской Федерации на основе экосистемного сотрудничества стейкхолдеров туристской отрасли // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2024. – № 1. – С. 129-141. doi: <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2024.1.129-141>
17. Бахарева В. В., Капустина И. В., Митяшин Г. Ю., Катрашова Ю. В. Экологизация розничной торговли: анализ стратегий // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – 2020. – Т. 12. – № 5. – С. 79-96.
18. Суворова С. Д., Куликова О. М. «Зеленая» трансформация бизнеса: решение об устойчивом развитии // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 7. – С. 85-90. doi: <https://doi.org/10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.14>
19. Восколович Н. А. Особенности трансформации сферы услуг в новой экономической реальности // 2023. – № 99. – С. 35-48.
20. Липовская Н. И. Сервисизация как феномен развития современного общества // Теоретическая экономика. – 2018. – № 1. – С. 122-127.
21. Куликова О. М., Суворова С. Д. Маркетплейс: бизнес-модель современной торговли // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 6. – С. 50-55.
22. Cenamor J., Rönnerberg Sjödin D., Parida V. Adopting a platform approach in servitization: Leveraging the value of digitalization // International Journal of Production Economics. – 2017. – Vol. 192. – P. 54-65. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2016.12.033>
23. Fu W., Zhang M., Zhao X., Jia F. Interplay between servitization and platforms: a longitudinal case study // International Journal of Operations & Production Management. – 2022. – Vol. 42. – Iss. 4. – P. 471-499. doi: <https://doi.org/10.1108/IJOPM-02-2021-0067>
24. Tian J., Coreynen W., Matthysens P., Shen L. Platform-based servitization and business model adaptation by established manufacturers // Technovation. – 2022. – Vol. 118. – P. 102222. doi: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102222>
25. Hagiu A. Merchant or Two-Sided Platform? // Review of Network Economics. – 2007. – Vol. 6. – Iss. 2. doi: <https://doi.org/10.2202/1446-9022.1113>

26. Hagiu A., Wright J. Multi-sided platform // International Journal of Industrial Organization. – 2015. – Vol. 43. – pp. 162-174.
27. Constantiou I., Marton A., Tuunainen V. K. Four Models of Sharing Economy Platforms // MIS Quarterly Executive. – Vol. 16. – No 4. – article 3.
28. Benoit S., Baker T. L., Bolton R. N., Gruber T., Kandampully J. A triadic framework for collaborative consumption (CC): Motives, activities and resources & capabilities of actors // Journal of Business Research. – 2017. – Vol. 79. – P. 219-227. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.05.004>
29. Долженко Р. А., Попов Э. И. Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях потсиндустриальной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 12. – С. 179-185.
13. Suvorova S. D., Kulikova O. M. (2022). Digital transformation of business. *Innovation economy: prospects of development and improvement*. 2, 54-59.
14. Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Qi Dong J., Fabian N., Haenlein M. (2021). Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda. *Journal of Business Research*. 122, 889-901.
15. Leshchenko O. A., Korchagina E. V. (2014). A method of evaluation of efficiency of companies' activities in the sphere of corporate social responsibility. *Management in Russia and abroad*. 5, 3-17.
16. Vashkevich N. P., Barykin S. E. (2024). Development of inclusive tourism in the Russian Federation on the basis of ecosystem cooperation of stakeholders of tourism industry. *Bulletin of the Tver State University. Series: Economics and Management*. 1, 129-141. doi: <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2024.1.129-141>
17. Bakharev V. V., Kapustina I. V., Mityashin G. Yu., Katrashova Yu. V. (2020). Ecologization of retail: an analysis of strategies. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 12(5), 79-96. doi: <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2020-12-5-79-96>
18. Suvorova S. D., Kulikova O. M. (2021). "Green" business transformation: a solution for sustainable development. *Innovation economy: prospects of development and improvement*. 7, 85-90. doi: <https://doi.org/10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.14>
19. Voskolovich N. A. (2023). Features of service sector transformation in new economic reality. *E-journal Public Administration*. 99, 35-48.
20. Lipovskaya N. I. (2018). Servitization as a phenomenon of development of modern society. *Theoretical economy*. 1, 122-127.
21. Kulikova O. M., Suvorova S. D. (2020). Marketplace: the business model of the modern trade. *Innovation economy: prospects of development and improvement*, 6, 50-55. doi: <https://doi.org/10.47581/2020/10.23.PS85/IE/5.48.008>
22. Cenamor J., Rönnerberg Sjödin D., Parida V. (2017). Adopting a platform approach in servitization: Leveraging the value of digitalization. *International Journal of Production Economics*. 192, 54-65. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2016.12.033>
23. Fu W., Zhang M., Zhao X., Jia F. (2022). Interplay between servitization and platforms: a longitudinal case study. *International Journal of Operations & Production Management*. 42 (4), 471-499. doi: <https://doi.org/10.1108/IJOPM-02-2021-0067>
24. Tian J., Coreynen W., Matthyssens P., Shen L. (2022). Platform-based servitization and business model adaptation by established manufacturers. *Technovation*. 118, 102222. doi: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102222>
25. Hagiu A. (2007). Merchant or Two-Sided Platform? *Review of Network Economics*. 6(2). doi: <https://doi.org/10.2202/1446-9022.1113>
1. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary P. S. (2016). *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You*. N. Y.: W. W. Norton and Company, 332.
2. Markova V. D. (2018). Platform business models. *Voprosy ekonomiki*. 10, 127-135.
3. Markova V. D. (2019). Platform models of business: approaches to creation. *EKO*. 5, 106-123.
4. Ustyuzhanina E. V., Dementiev V. E., Evsyukov S. G. (2022). Digital transaction platforms: ensuring their efficiency. *Economics and Mathematical Methods*. 57(1), 5-18.
5. Shastitko A. E., Markova O. A. (2019). Approaches to the research of digital transformation effects. *Social Sciences and Contemporary World*. 3, 52-65.
6. Dolzhenko R. A. (2016). Some issues of assessing the effectiveness of crowdfunding in the domestic crowdfunding platform "Planeta". *Journal of the Omsk University. Series: Economics*. 4, 75-84.
7. Markova O. A. (2023). Airports as platforms: consequences for antitrust policy. *Issues of Economic Theory*. 3, 80-91.
8. Shastitko A. E., Markova O. A. (2017). Aggregators around us: the new reality and approaches to research. *Social Sciences and Contemporary World*. 4, 5-15.
9. Shastitko A. E., Markova O. A. (2020). An old friend is better than two new ones? Approaches to market research in the context of digital transformation for the antitrust laws enforcement. *Voprosy ekonomiki*. 6, 37-55.
10. Srnicek N. (2021). *Platform capitalism*. Moscow: Higher School of Economics, 128.
11. Apatova N. V. (2022). Management of processes of digital transformation of a business. *Transactions of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*. 8(2), 3-8.
12. Plotnikov V. A. (2020). Digitization as a logical stage in the evolution of an economic system. *Economic Revival of Russia*. 2, 104-115.

References

26. Hagiu A., Wright J. (2015). Multi-sided platforms. *International Journal of Industrial Organization*. 43, 162-174.
27. Constantiou I., Marton A., Tuunainen V. K. (2017). Four Models of Sharing Economy Platforms. *MIS Quarterly Executive*, 16(4), article 3.
28. Benoit S., Baker T. L., Bolton R. N., Gruber T., Kandampully J. (2017). A triadic framework for collaborative consumption (CC): Motives, activities and resources & capabilities of actors. *Journal of Business Research*. 79, 219-227. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.05.004>
29. Dolzhenko R. A., Popov E. I. (2014). Interrelations of new forms of labor relations and labor precarization in conditions of a post-industrial economy. *Journal of the Altai State Agricultural University*. 12, 179-185.

УДК: 338.48

Развитие автомобильного туризма в России: актуальные проблемы и тенденции

С.С. Скараник

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299053, Россия
stanislava1307@mail.ru

Статья поступила 30.11.2024

Аннотация

Исследование посвящено современным аспектам развития автомобильного туризма в России. Автором рассмотрена сущность автомобильного туризма, определены цели его развития в современных условиях. Представлена классификация видов автомобильного туризма по различным критериям. Выявлены преимущества автомобильного туризма, определяющие его популярность среди путешественников. Методом PEST-анализа определены факторы развития автомобильного туризма. Осуществлен детальный анализ факторов, оказывающих сдерживающее и стимулирующее воздействие на автотуризм в России. Представлена характеристика современных тенденций развития автомобильного туризма в России. Уделено внимание информационному обеспечению автотуризма и роли цифровых платформ в повышении уровня безопасности и комфорта автомобильных путешествий.

Автор приходит к выводу, что в современных условиях автотуризм является одним из растущих трендов в развитии внутреннего туризма в России.

Ключевые слова: автомобильный туризм, внутренний туризм, туристские услуги, туристская инфраструктура, караванинг, джипинг

JEL codes: L83

The development of automobile tourism in Russia: current problems and trends

S.S. Skaranik

Sevastopol State University, Sevastopol, 299053, Russian Federation
stanislava1307@mail.ru

Received 30.11.2024

Abstract

The research is devoted to modern aspects of the development of automobile tourism in Russia. The author considers the essence of automobile tourism, defines the goals of its development in modern conditions. The classification of types of automobile tourism according to various criteria is presented. The advantages of automobile tourism, which determine its popularity among travelers, are revealed. The PEST analysis method determines the factors of the development of automobile tourism. A detailed analysis of the factors that have a deterrent and stimulating effect on autotourism in Russia has been carried out. The characteristic of modern trends in the development of automobile tourism in Russia is presented. Attention is paid to the information support of autotourism and the role of digital platforms in improving the safety and comfort of automobile travel.

The author concludes that in modern conditions, autotourism is one of the growing trends in the development of domestic tourism in Russia.

Keywords: automobile tourism, domestic tourism, tourist services, tourist infrastructure, caravanning, jeeping

Введение

В настоящее время автомобильный туризм в нашей стране стремительно развивается. Автомобильные путешествия по территории России становятся все более популярными в силу ряда объективных причин. С одной стороны, для многих категорий туристов, особенно молодежи и семей с детьми, этот вид путешествий является максимально комфортным, удобным и, с точки зрения материальной составляющей, наиболее доступным. Как одна из разновидностей самодеятельного туризма автотуризм позволяет путешественнику самостоятельно формировать маршрут и продолжительность своего передвижения, выбирать объекты для размещения и питания, экскурсионные программы, достопримечательности и др., что делает отдых уникальным и запоминающимся с учетом индивидуальных потребностей и возможностей туристов.

С другой стороны, сложившаяся геополитическая ситуация, в результате которой временно стали невозможными авиаперелеты в некоторые южные регионы Российской Федерации, в свою очередь, стимулирует рост внутренних путешествий автомобильным транспортом.

Также в настоящее время серьезным импульсом для активного развития автотуризма в России выступает усиление мер со стороны государства на федеральном и региональном уровнях, направленных на поэтапное развитие инфраструктуры туризма, строительство и модернизацию автодорог и объектов придорожного сервиса, а также формирование автомобильных туристических маршрутов. Реализация данных мероприятий осуществляется в рамках Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», направленного на комплексное развитие сферы туризма в РФ и обеспечение условий для удобных и безопасных путешествий внутри страны [1].

Подтверждением того, что развитие автомобильного туризма является одним из приоритетных направлений туристской

отрасли в России, можно считать разработку и утверждение Правительством РФ в апреле 2024 года «Концепции развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [2].

Таким образом, актуальность исследования проблем и современных тенденций развития автотуризма в нашей стране не вызывает сомнений.

Анализ последних исследований и публикаций

В отечественной научной литературе учеными изучаются различные аспекты автомобильного туризма.

Так, особенности и современные тенденции развития автотуризма характеризуются в статье Вальковой Т.М., Шабалина А.Д., Шабалиной Н.В. [3], а также в научном труде Собяниной С.В., Марченко Е.В., Степуренко О.А. [4]. Авторы отмечают, что развитие автотуризма в России сопровождается рядом значимых преимуществ: активизацией внутреннего и въездного туризма, формированием региональной инфраструктуры туристской отрасли, созданием дополнительных рабочих мест и др. [3]. К числу факторов, стимулирующих рост автопутешествий по стране, ученые относят: рост патриотических настроений, культурно-познавательные цели, интерес к истории и традициям своей страны, развитие религиозного паломничества и др. [4].

В научных исследованиях Коннова Д.В. [5], Игнатова А.В., Биркалова А.А. [6], анализируются актуальные проблемы автомобильного туризма в РФ. Прежде всего, заслуживает внимания проблема недостаточного обеспечения автомагистралей объектами придорожного сервиса, а также неудовлетворительное состояние автодорог и отсутствие скоростных трасс на некоторых популярных туристических направлениях [5].

Методические подходы к анализу автомобильного туризма в Российской Федерации рассматриваются в статье Макаровой Ю.В., Кононова А.Ю., Удовенко

Н.Г., где проведен эконометрический анализ комплекса факторов, определяющих развитие автотуризма в РФ [7].

Результаты эмпирических исследований тенденций развития автомобильного туризма в отдельных регионах Российской Федерации представлены в научных трудах Гомилевской Г.А., Швабского Д.М. [8], Кононова А.Ю., Макаровой Ю.В. [9], Кудревич А.Ю. [10].

В исследованиях Соколовской Е.А., Соколовского А.Я., Попова Н.А. [11], а также Бенидзе К.С. [12] уделяется внимание моделированию автотуризма на региональном уровне и необходимости формирования функционально-логических моделей автомобильного туризма для различных целевых сегментов автотуристов.

Глотова А.В., Киреева Ю.А. [13] рассматривают автомобильный туризм как приоритетное направление развития внутреннего туризма в России. При этом авторы акцентируют внимание на значении информационного обеспечения при формировании туристских маршрутов [13].

Как было отмечено выше, задачи развития автомобильного туризма нашли свое отражение в государственных нормативно-правовых документах: «Концепции развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [2], «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [14] и других.

Данные и методы

Целью статьи является изучение актуальных проблем и тенденций развития автомобильного туризма в России.

В ходе исследования целесообразно сосредоточиться на решении следующих основных задач:

- охарактеризовать содержание понятия «автомобильный туризм», обозначить его основные виды и преимущества;
- проанализировать различные группы факторов, как сдерживающих развитие автотуризма в РФ, так и содействующих его популяризации;

– определить современные тенденции и перспективы развития автомобильного туризма в России.

В рамках данной статьи для характеристики современных аспектов развития автомобильного туризма в РФ использовались следующие методы: анализ и синтез, метод научной абстракции, метод сравнительного анализа, метод PEST-анализа, метод обобщения данных.

В качестве информационной основы исследования анализировалась нормативно-правовая база, определяющая стратегические ориентиры развития отрасли туризма в целом и автотуризма, в частности, утвержденная Правительством РФ; статистические материалы; интернет-ресурсы и цифровые платформы, аккумулирующие сведения о туристских маршрутах для автопутешественников; аналитическая отчетность Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [15], [16].

Результаты исследования

Понятие «автотуризм» в России закреплено в ГОСТ 57806-2017 «Туристские услуги в области самодеятельного туризма. Общие требования», «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» и рассматривается по способу организации как «разновидность путешествий, в которых основным средством передвижения туриста является персональный автомобиль» [14; 17].

Путешествия с использованием персональных автомобильных средств можно классифицировать по разным критериям (табл. 1):

Целевые ориентиры развития автотуризма в РФ отражены в «Концепции развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года», где подчеркивается, что автотуризм способствует росту доходов бюджетов разных уровней, стимулирует развитие конкурентоспособного отечественного туристского продукта и повышает инвестиционную привлекательность территорий [2].

Таблица 1. Классификация видов автомобильного туризма

Критерий	Вид автотуризма
По охвату территории	– национальный; – международный.
По продолжительности путешествия	– краткосрочный; – среднесрочный; – длительный.
По принадлежности автомобиля	– собственный; – арендованный.
В зависимости от числа участников	– индивидуальный; – групповой; – семейный.
По целям путешествия	– культурно-познавательный; – событийный; – рекреационный; – религиозный; – автопробег и др.
По целям путешествия в зависимости от используемых транспортных средств	– караванинг (с проживанием в автодомах); – джипинг (на автомобилях повышенной проходимости).

* Составлено автором по [8; 12; 17].

Согласно отчетным данным по развитию автотуризма в РФ в 2024 г., представленным на сайте ВЦИОМ, туристические поездки на своем или арендованном автомобиле за последний год совершили 32% россиян (при этом 81% из числа опрошенных совершили поездки продолжительностью не более 7 дней) [15].

В соответствии с прогнозами экспертов, потенциально возможное число автотуристов в нашей стране может достигать 42 млн. чел. Такое значение связано с количеством официально зарегистрированных автомобилей в РФ (по состоянию на 01.01.2024 г. – 54,5 млн. автомобилей; из них: 46,4 млн. шт. – легковые автомобили) [2].

Наиболее привлекательными туристическими направлениями для автотуристов РФ являются Южный федеральный округ (29%), Северо-Западный (23%) и Сибирский федеральный округ (21% опрошенных) [15].

В «Концепции развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» определена целевая аудитория автотуристов, к основным группам которой относятся:

1. Автотуристы, использующие свой личный автотранспорт.

2. Туристы и экскурсанты, путешествующие автобусами.

3. Караванеры, использующие в поездке адаптированные для проживания виды транспорта – автодома.

4. Джиперы, путешествующие на автомобилях повышенной проходимости.

5. Путешественники на мотоциклах (мопедах) [2].

Следует отметить, что такая разноплановая аудитория автотуристов требует создания специальных сервисных и инфраструктурных условий для их комфортного и безопасного путешествия.

Типичный среднестатистический портрет автотуриста по РФ выглядит следующим образом: «мужчина (39%); 25-44 лет (25-34 лет – 44%, 35-44 лет – 45%); с высшим или неоконченным высшим образованием (41%); хорошим материальным положением (43%); проживающий в одной из столиц или городе-миллионнике (40% и 43%, соответственно); работающий в коммерческой организации (43%)» [15].

По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в 2023 г., к числу основных преимуществ автомобильных путешествий россияне относят следующие:

1. Свобода и гибкость передвижения, предполагающая возможность смены маршрута, возможность добраться в труднодоступные места независимо от различных факторов и др.

2. Возможность экономии денежных средств и времени (особенно для путешествующих семей с детьми).

3. Более комфортные условия путешествия.

4. Более широкий круг возможностей (посетить большее количество мест, больше взять с собой вещей и др.).

5. Возможность выбора окружения в поездке (путешествия с родственниками и друзьями).

6. Личные предпочтения (связаны с приятными эмоциями от самостоятельного путешествия на автомобиле) [16].

Характеристика современных тенденций развития автотуризма в РФ предполагает более детальный анализ факторов, влияющих на данный вид туризма. Используя метод PEST-анализа, в таблице 2 отобразим следующие основные факторы развития автотуризма.

Таблица 2. Факторы развития автомобильного туризма в РФ

Факторы	Характеристика
Политические	– совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей развитие туризма; – геополитическая ситуация в стране; – активизация государственной поддержки развития туризма и сферы дорожного строительства.
Экономические	– динамика темпов экономического роста, уровня инфляции, банковских процентных ставок и др.; – привлечение инвестиций в развитие инфраструктуры туризма, дорожного строительства и придорожного сервиса; – рост уровня доходов потребителей и спроса на туристские услуги.
Социальные	– рост культурно-образовательного уровня граждан; – развитие межрегиональных связей и сотрудничества в области науки, культуры, патриотического воспитания и др.
Технологические	– рост автомобилизации населения; – повышение комфортности современных автотранспортных средств; – развитие специализированных цифровых платформ и сервисов для автотуристов.

* Составлено автором по [2].

Также в рамках данного исследования считаем целесообразным систематизировать факторы, оказывающие сдерживающее и стимулирующее воздействие на автотуризм в РФ, что позволит выявить основные проблемы и определить потенциальные возможности развития автомобильного туризма в современных условиях.

Таблица 3. Стимулирующие и сдерживающие факторы развития автомобильного туризма в РФ

Факторы стимулирующего воздействия
– стратегические ориентиры на комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в РФ; – привлекательные природные условия и ландшафтные особенности территорий страны; – наличие культурно-исторических объектов и достопримечательностей в регионах РФ; – реализация масштабных федеральных проектов в области дорожного строительства; – развитие инфраструктуры туризма, строительство и модернизация средств размещения в рамках реализации мероприятий Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства»; – популяризация некоторых видов туризма (сельского, студенческого, научно-популярного, экологического, гастрономического и др.); – привлечение инвестиций в сферу туризма; – развитие государственно-частного партнерства; – совершенствование информационного обеспечения и внедрение цифровых технологий в сферу туризма; – формирование имиджа страны как привлекательной для туризма и др.
Факторы сдерживающего воздействия
– сложная геополитическая ситуация в ряде регионов страны; – низкое качество автодорог, плохое освещение трасс, отсутствие барьерных ограждений, светофоров и др.; – недостаточное обеспечение автодорог объектами дорожного сервиса; – низкий уровень удовлетворенности дорожной инфраструктурой в ряде регионов страны; – низкое качество или отсутствие мобильной связи и доступа к интернет-сервисам на многих участках автодорог; – отсутствие комплексных мер государственной поддержки субъектов МСП, задействованных в строительстве объектов дорожного сервиса; – недостаточное развитие информационно-сервисных площадок для автотуристов; – недостаточный уровень качества обслуживания вследствие нехватки квалифицированных кадров; – недостаточное развитие маркетингового и информационного продвижения автомобильных маршрутов и др.

* Составлено автором по [2; 5].

Как видно из табл. 3, первоочередные проблемы развития автотуризма в нашей стране связаны, прежде всего, с инфраструктурными ограничениями (как непосредственно в сфере туризма, так и в сфере дорожного строительства и придорожного сервиса), недостаточным уровнем безопасности и качества услуг, а

также информационного обеспечения автотуристов.

С другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что за последние годы при активной государственной поддержке многие проблемы развития автотуризма успешно решаются в нашей стране. Так, в частности, в рамках осуществления задач Национального проекта «Безопасные качественные дороги» в период с 2019 по 2024 гг. в 84 субъектах страны было реконструировано и построено более 100 тыс. км. дорог, а площадь укладки дорожного покрытия составила более 800 млн. м². Фактический объем региональных дорог в нормативном состоянии на конец 2023 г. достиг 53,4% при запланированном нацпроектом значении 54% (на конец 2024 г.). Также итогом нацпроекта является то, что в разных регионах страны были отремонтированы дороги к более, чем 2000 объектам туристического показа [18].

Все эти меры, в результате которых, начиная с 2017 г. на 30% удалось снизить уровень смертности в ДТП, положительно влияют на решение такой актуальной проблемы, как безопасность автотуристов.

Много внимания в настоящее время уделяется решению вопроса недостаточного GSM-покрытия автомагистралей (особенно региональных) и низкой скорости передачи данных по сравнению с новыми стандартами связи. Отметим, что данная проблема становится особенно актуальной в сельской местности и на участках междугородних трасс вдали от населенных пунктов. Для решения этой проблемы в Госдуму внесен законопроект об обеспечении качественной мобильной связью и интернетом участков вдоль автомагистралей.

Акцентируем, что повышению уровня безопасности и улучшению качества туристских услуг также во многом способствует совершенствование информационного обеспечения и внедрение цифровых сервисов и технологий в сферу туризма. Так, в настоящее время для автотуристов стали доступны несколько цифровых платформ (табл. 4), основное предназначение которых заключается в

информационной поддержке туристов для самостоятельной разработки и выбора безопасного и комфортного маршрута с учетом индивидуальных потребностей всех путешествующих.

Таблица 4. Цифровые платформы для автотуристов в РФ

Платформа	Описание
Национальный туристический портал «Путешествуем. РФ» https://nyumeshtvuem.rf/	Содержит информацию для автотуристов о 50 популярных маршрутах в 47 регионах страны (отели, заправочные станции, автостоянки, достопримечательности).
Единая цифровая платформа «Дом.Кругом» https://dom-krugom.ru/	Позволяет самостоятельно создавать маршруты для автопутешествий или скачивать уже разработанные, менять планы путешествия в режиме реального времени.
Информационно-сервисная платформа «Горизонты России: Поехали с нами!» https://russianhorizons.ru/	Создана компанией «Роснефть» совместно с сервисом планирования путешествий RUSSPASS. Пилотный проект позволяет создать свой маршрут (от Петербурга в Москву), который автоматически передается в «Яндекс.Карты».
Сайт «RV Land» https://rvland.ru/	Веб-сайт о караванинге и автопутешествиях, содержит полную информацию о местах для поездки с домом на колесах по России.

* Составлено автором по [19; 20; 21; 22].

Также одним из содержательных информационных ресурсов для автотуристов является сайт Общенациональной ассоциации Автомототуризма и караванинга. Деятельность данной организации нацелена на создание безопасной и комфортной инфраструктуры для автопутешественников и караванеров по России [23].

На сайте Ассоциации представлена информация о семи маршрутах по России, которым присвоен статус «Народный

маршрут» («Ладожское кольцо», «Заповедные земли русского Севера», «Легенды Эльбруса», «Золотое кольцо России», «Сибирский тракт», «Чуйский тракт», «Государева дорога»). Также размещена полезная информация о популярных маршрутах выходного дня и многодневных маршрутах [23].

Таким образом, многие из выявленных в рамках данного исследования проблем развития российского автотуризма успешно решаются в настоящее время.

Тем не менее, основываясь на [2; 14; 16; 18], к числу первоочередных вопросов развития автомобильного туризма в РФ можно отнести следующее:

- развитие многофункциональных придорожных комплексов, предназначенных для разных категорий автотуристов (путешественников в автодомах, семей с маленькими детьми, лиц с ОВЗ, пожилых граждан и пр.);

- развитие туристской инфраструктуры и объектов дорожного сервиса в удаленных районах и сельской местности;

- повышение транспортной доступности территорий;

- улучшение качества автодорог регионального и межмуниципального значения в соответствии с нормативными требованиями;

- повышение безопасности дорожного движения и снижение уровня смертности в ДТП;

- повышение качества оказываемых туруслуг;

- совершенствование современных цифровых и информационных технологий для продвижения автомобильного туризма;

- формирование региональных туристских маршрутов, создание интерактивных карт для автотуристов;

- создание условий для привлечения инвестиций и эффективного взаимодействия органов власти, представителей бизнес-структур и общественных организаций в вопросах развития автомобильного туризма и др.

Заключение

Обобщая, отметим, что продвижение автомобильного туризма имеет для страны в целом и устойчивого социально-экономического развития отдельных ее территорий огромное значение.

В современных условиях автотуризм является одним из популярных трендов развития туристской отрасли в РФ наряду с такими видами туризма, как: деловой, культурно-познавательный, экологический, круизный, горнолыжный, детский, молодежный, сельский и др.

Для продвижения данного вида туризма Правительством РФ утверждена «Концепция развития автомобильного туризма на период до 2035 года», приоритетные направления которой находятся в тесной взаимосвязи с задачами «Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 года», целями Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», а также с целевыми ориентирами ряда важнейших нормативно-правовых документов в сфере развития транспортной системы и дорожного строительства («Транспортной стратегии РФ на период до 2030 года», Национального проекта «Безопасные качественные дороги» и др.). К таким целевым ориентирам относятся: повышение транспортной доступности территорий РФ, рост мобильности населения и развитие внутреннего туризма, обеспечение условий комфортной и безопасной среды для жизни.

Список литературы

1. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/turizm> (дата обращения: 10.11.2024).
2. Концепция развития автомобильного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408865491/> (Дата обращения: 10.11.2024).
3. Валькова Т.М., Шабалин А.Д., Шабалина Н.В. Особенности развития автомобильного туризма в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. – 2019. – №3. – С. 56-66.

4. Собянина С.В., Марченко Е.В., Степуренко О.А. Развитие внутреннего автомобильного туризма в Российской Федерации в современных условиях // Вестник РМАТ. – 2017. – №3. – С. 118-122.
5. Коннов Д.В. Проблемы развития автотуризма в России // Вестник ММА. – 2022. – №2. – С. 132-136.
6. Игнатов А.В., Биркалов А.А. Совершенствование системы автомобильного туризма при помощи развития придорожного сервиса // Научная мысль. – 2020. – №1. – С. 28-32.
7. Макарова Ю.В., Кононов А.Ю., Удовенко Н.Г. Методические подходы к анализу автомобильного туризма в Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2023. – Т.15. – №1. – С. 39-51.
8. Гомилевская Г.А., Швабский Д.М. Научно-эмпирические аспекты развития автотуризма в контексте международной и отечественной практики // Фундаментальные исследования. – 2024. – №7. – С. 75-82.
9. Кононов А.Ю., Макарова Ю.В. Перспективы развития автомобильного туризма (на примере Приморского края) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2022. – №1. – С. 58-75.
10. Кудревич А.Ю. Стратегические аспекты развития автомобильного туризма в регионе // Стратегирование: теория и практика. – 2024. – Т.4. – №3. – С. 389-405.
11. Соколовская Е.А., Соколовский А.Я., Попов Н.А. Модели формирования автомобильного туризма на региональном уровне // Вестник: научный журнал. – 2023. – №6 (72). – С. 61-68.
12. Бенидзе К.С. Автотуризм как направление развития внутреннего туризма территории // Transport business in Russia. – 2018. – №5. – С. 27-29.
13. Глотова А.В., Киреева Ю.А. Автомобильный туризм как перспективное направление на территории Российской Федерации // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. – 2019. – Т.14. – №1. – С. 41-45.
14. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/123838/> (Дата обращения: 10.11.2024).
15. Автотуризм - 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-2024> (Дата обращения: 14.11.2024).
16. Автотуризм в России: возможности и проблемы [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-v-rossii-vozmozhnosti-i-problemy> (Дата обращения: 14.11.2024).
17. ГОСТ 57806-2017 «Туристские услуги в области самодельного туризма. Общие требования» [Электронный ресурс]. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/65548/> (Дата обращения: 15.11.2024).
18. Национальный проект «Безопасные качественные дороги» 2019-2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://izhevsk.bkdrf.ru/uploads/documents/Буклет_Итоги%206%20лет%20реализации%20национального%20проекта%20Безопасные%20качественные%20дороги.pdf (Дата обращения: 19.11.2024).
19. Национальный туристический портал «Путешествуем.РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://путешествуем.рф/> (Дата обращения: 19.11.2024).
20. Единая цифровая платформа «Дом.Кругом» [Электронный ресурс]. URL: <https://dom-krugom.ru/> (Дата обращения: 19.11.2024).
21. Информационно-сервисная платформа «Горизонты России: Поехали с ними!» [Электронный ресурс]. URL: <https://russianhorizons.ru/> (Дата обращения: 19.11.2024).
22. Веб-сайт «RV Land» [Электронный ресурс]. URL: <https://rvland.ru/about/> (Дата обращения: 19.11.2024).
23. Сайт Общенациональной ассоциации Автомототуризма и караванинга [Электронный ресурс]. URL: <https://automototravel.com/> (Дата обращения: 19.11.2024).

References

1. National project «Tourism and Hospitality Industry» [Electronic resource]. URL: <https://nacionalny`eproekty.rf/projects/turizm> (Date of access: 10.11.2024).
2. The concept of development of automobile tourism in the Russian Federation for the period up to 2035 [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408865491/> (Date of access: 10.11.2024).
3. Valkova T.M., Shabalin A.D., Shabalina N.V. (2019) Features of the development of automobile tourism in Russia. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Natural Sciences*, 3, 56-66.
4. Sobyannina S.V., Marchenko E.V., Stepurenko O.A. (2017) Development of domestic automobile tourism in the Russian Federation in modern conditions. *Bulletin of RMAТ*, 3, 118-122.
5. Konnov D.V. (2022) Problems of the development of autotourism in Russia. *Bulletin of MMA*, 2, 132-136.
6. Ignatov A.V., Birkalov A.A. Improving the system of automobile tourism through the development of roadside service (2020). *Scientific thought*, 1, 28-32.
7. Makarova Yu.V., Kononov A.Yu., Udoenko N.G. (2023) Methodological approaches to the analysis of automobile tourism in the Russian Federation. *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 1, 39-51.

8. Gomilevskaya G.A., Shvabsky D.M. (2024) Scientific and empirical aspects of the development of autotourism in the context of international and domestic practice. *Basic research*, 7, 75-82.
9. Kononov A.Yu., Makarova Yu.V. (2022). Prospects for the development of automobile tourism (on the example of Primorsky Krai). *The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 1, 58-75.
10. Kudrevich A.Yu. (2024) Strategic aspects of the development of automobile tourism in the region. *Strategizing: theory and practice*, 3, 389-405.
11. Sokolovskaya E.A., Sokolovsky A.Ya., Popov N.A. (2023) Models of the formation of automobile tourism at the regional level *Bulletin: scientific journal*, 6 (72), 61-68.
12. Benidze K.S. (2018). Autotourism as a direction of development of internal tourism of the territory *Transport business in Russia*, 5, 27-29.
13. Glotova A.V., Kireeva Yu.A. (2019) Automobile tourism as a promising direction in the territory of the Russian Federation. *Tourism industry: opportunities, priorities, challenges and prospects*, 1, 41-45.
14. *Tourism development Strategy in the Russian Federation for the period up to 2035* [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/docs/all/123838/> (Date of access: 10.11.2024).
15. *Autotourism - 2024* [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-2024> (Date of access: 14.11.2024).
16. *Autotourism in Russia: opportunities and challenges* [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-v-rossii-vozmozhnosti-i-problemy> (Date of access: 14.11.2024).
17. GOST 57806-2017 «Tourist services in the field of amateur tourism. General requirements» [Electronic resource]. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/65548/> (Date of access: 15.11.2024).
18. *National project «Safe high-quality roads» 2019-2024* [Electronic resource]. URL: https://izhevsk.bkdrf.ru/uploads/documents/Буклет_Итоги%206%20лет%20реализации%20национального%20проекта%20Безопасные%20качественные%20дороги.pdf (Date of access: 19.11.2024).
19. *The national travel portal «Travel.RF»* [Electronic resource]. URL: <https://путешествуем.рф/> (Date of access: 19.11.2024).
20. *The unified digital platform «Dom.All around»* [Electronic resource]. URL: <https://dom-krugom.ru/> (Date of access: 19.11.2024).
21. *Information and service platform «Horizons of Russia: Let's go with them!»* [Electronic resource]. URL: <https://russianhorizons.ru/> (Date of access: 19.11.2024).
22. *RV Land website* [Electronic resource]. URL: <https://rvland.ru/about/> (Date of access: 19.11.2024).
23. *Website of the National Association of Automobile Tourism and Caravanning* [Electronic resource]. URL: <https://automototravel.com/> (Date of access: 19.11.2024).

УДК: 338.436.33

Цифровое развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации

С.А. Щербакова^{1,2}, Е.А. Швец³¹Смоленский государственный университет, г. Смоленск, 214000, Российская Федерация²Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, 299015, Российская Федерация³Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Смоленской области, 214014, Российская Федерация^{1,2}sollos@mail.ru, ³shvets.ekaterina1209@mail.ru

Статья поступила 08.12.2024

Аннотация

В последние годы агропромышленный комплекс Российской Федерации демонстрируют уверенный рост и является одним из драйверов экономического развития страны. Отечественный агропромышленный комплекс сумел не только обеспечить национальную продуктовую безопасность государства, но и стал крупнейшим мировым экспортером продовольствия.

В рамках Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года обозначено, что для повышения эффективности агропромышленного комплекса необходима его цифровая трансформация. Цифровые решения в агропромышленном комплексе способствуют устойчивому развитию отрасли, модернизируют бизнес-процессы и обеспечивают конкурентоспособность отрасли с учетом текущих внешнеполитических и экономических рисков.

В статье проанализировано современное состояние развития аграрного сектора экономики Российской Федерации, обозначены основные региональные лидеры по производству сельскохозяйственной продукции, а также определены главные импортеры российской продукции агропромышленного комплекса. Авторами проведена характеристика основных типов цифровых решений, которые используются в производственных процессах и управлении в агропромышленном комплексе страны. Выявлены ключевые направления совершенствования агропромышленного комплекса в условиях цифровизации.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, продовольственная безопасность, цифровые технологии, искусственный интеллект, Российская Федерация

JEL codes: G28, Q14

Digital development of the agro-industrial complex of the Russian Federation

S.A. Shcherbakova^{1,2}, E.A. Shvets³¹Smolensk State University, Smolensk, 214000, Russian Federation²Sevastopol State University, Sevastopol, 299015, Russian Federation³Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Smolensk Region, 214014, Russian Federation^{1,2}sollos@mail.ru, ³shvets.ekaterina1209@mail.ru

Received 08.12.2024

Abstract

In recent years, the agro-industrial complex of the Russian Federation has demonstrated steady growth and is one of the drivers of the country's economic development. The domestic agro-industrial complex has managed not only to ensure the national food security of the state, but also has become the world's largest exporter of food.

As part of the Strategy for the Development of the agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030, it is indicated that in order to increase the efficiency of the agro-industrial complex, its digital

transformation is necessary. Digital solutions in the agro-industrial complex will contribute to the sustainable development of the industry, modernize business processes and ensure the competitiveness of the industry, taking into account current foreign policy and economic risks.

The article analyzes the current state of development of the agricultural sector of the economy of the Russian Federation, identifies the main regional leaders in the production of agricultural products, and identifies the main importers of Russian agricultural products. The authors have characterized the main types of digital solutions that are used in production processes and management in the agro-industrial complex of the country. The key areas of improvement of the agro-industrial complex in the context of digitalization have been identified.

Keywords: agro-industrial complex, food security, digital technologies, artificial intelligence, Russian Federation

Введение

За последние несколько лет наблюдается стремительное развитие агропромышленного сектора Российской Федерации, чему активно способствует поддержка со стороны государства и региональных органов власти, а также существенное увеличение объема инвестиций, необходимых для строительства новых производственных объектов, расширение существующих производственных мощностей, а также модернизацию и ремонт оборудования, используемого в рамках различных сельскохозяйственных процессов.

Одним из главных инструментов современного развития агропромышленного комплекса страны являются цифровые технологии. На сегодняшний день наиболее востребованными цифровыми решениями являются цифровые поля, автоматическое планирование севооборота, цифровой агроскаутинг для выявления проблемных областей, управление поголовьем скота, а также оптимизацию сроков сбыта продукции. Так, цифровые технологии в агропромышленном комплексе используются в целях наращивания объемов производства и повышением качества продукции, а также оптимизацию производственных процессов, в том числе снижение нагрузки на трудовые единицы предприятий, специализирующихся на производстве сельскохозяйственной продукции.

Анализ последних исследований и публикаций

В настоящее время проблематика развития российского агропромышленного

комплекса освещается многими отечественными исследователями. Так, оценка значимости агропромышленного комплекса как одной из экспортоориентированных отраслей в процессе стабилизации и повышения конкурентоспособности национальной экономики раскрывается в научных работах Анопченко Т.Ю. и Ветровой Е.В. [1], Соломенникова А.Е. и Кузнецовой О.А. [2]. Труды данных авторов также включают в себя анализ основных тенденций и факторов развития агропромышленного комплекса России в сложившихся на мировой арене условиях. Результатом проведенных исследований стало четкое представление о месте агропромышленного комплекса в стратегии социально-экономического развития страны и ее регионов.

Исследователи Немытых С.Л. и Баскакова И.В. [3], Сулимин В.В. [4] в своих работах делают акцент на влиянии санкционного давления на производственные процессы российского агропромышленного комплекса, а также выявление барьеров повышения экспортного потенциала и пути их ликвидации.

Одним из наиболее значимых инструментов наращивания темпов развития отрасли являются меры государственной поддержки, что отражено в научных работах Тихомирова А.И. [5], Хомякова Д.М. [6].

По мнению российских экономистов Погребной Н.В., Барышевой Д.Н., Ламазян Л.С. и Плаксий В.В. [7], Лепехиной Ю.А. и Грасс Е.Ю. [8], Каманиной А.Н. [9] особую роль в развитии российского агропромышленного комплекса играют цифровые технологии, позволяющие оптимизировать производственные процессы и, тем самым, увеличить объемы

производства и реализации продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Данные и методы

Цель исследования – определение возможностей наращивания темпов роста агропромышленного комплекса Российской Федерации с помощью цифровых технологий.

Объект исследования – развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации в условиях цифровой трансформации.

Предмет исследования – влияние цифровых решений на развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации.

В качестве основных методов исследования использовались: метод экспертной оценки, анализ статистической и аналитической информации, включая анализ динамики и структуры рынка сельского хозяйства, а также оценку состояния крупнейших российских агрохолдингов.

В исследовании использовались данные Росстата, Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России, а также официальные данные крупнейших агрохолдингов России: ГК «Русагро», АПХ «Мираторг» и ГК «Черкизово».

Результаты исследования

В современных реалиях наблюдается реформирование системы внешнеэкономических связей, основанных на торгово-экономическом и производственном сотрудничестве, в различных секторах российской экономики. Катализатором происходящих изменений выступили введенные в 2022 г. в отношении Российской Федерации (далее – РФ) санкции, в перечень которых вошли финансовые и логистические ограничительные меры, а также меры прямого воздействия на товаропотоки. На сегодняшний день странами Запада и США принято 14 пакетов санкций, наибольшая часть из которых направлена на запрет заключения внешнеторговых контрактов с отечественными производителями

(компаниями). Реализуется это посредством постоянной актуализации и расширения перечней товаров, запрещенных к импорту в РФ, а также товаров, в отношении которых действует запрет на экспорт из РФ.

В условиях санкционного давления, основной целью которого являлась изоляция РФ от всего остального мира (в рамках внешнеторговой деятельности – ликвидация «выходов» на рынки европейских стран), государством был разработан инструментарий, направленный на поддержку отечественного производства и повышение конкурентоспособности производимой на территории государства продукции с последующим ее выводом на рынки дружественных стран. Так, государством был взят курс на импортозамещение, т.е. снижение зависимости внутреннего рынка от импортных поставок путем наращивания объемов внутреннего производства.

Не менее значимым в контексте развития национальной экономики и ее отдельных отраслей стала переориентация отечественных производителей с европейских рынков сбыта на азиатские, позволившая не только сохранить объемы экспортируемой в условиях санкционного давления продукции, но и увеличить их.

Особая роль отводится экспортоориентированным отраслям экономики, в число которых входят нефтегазовая промышленность, агропромышленный и лесопромышленный комплексы, сфера информационных технологий и телекоммуникаций, а также сфера транспортно-логистических услуг. При этом самая динамично развивающаяся отрасль – это агропромышленный комплекс (далее – АПК), который не только не ощутил существенного негативного влияния от действия санкций, но и стал одним из локомотивов экспортной составляющей РФ.

В 2023 г. товарооборот продукции АПК РФ составил 79 млрд. долл. США, превысив показатель 2020 г. на 21,8%, а показатель 2017 г. на 34,6%. При этом в период 2017–2019 гг. наблюдалось отрицательное сальдо торгового баланса – импорт превышал экспорт в среднем на 18,7%. Ситуация изменилась в 2020 г., когда, впервые объем

экспортируемой продукции превысил объем импортируемой на 3,3%. (рис.1).

Говоря о показателях 2023 г., следует отметить, что объем экспорта составил более 43 млрд. долл. США, что выше показателя 2020 г. на 29,5%, а показателя 2017 г. на 50%, что свидетельствует о стремительном развитии АПК в последние годы.

Объемы импорта составили в 2023 г. около 35 млрд. долл. США, что выше показателя 2020 г. на 14,3%, а показателя 2017 г. на 17,1%. При этом относительно показателя 2022 г. наблюдалось незначительное снижение объема импортируемой на территорию РФ продукции АПК (-2,8%). Таким образом, в 2023 г. объем экспорта превысил объем импорта в 1,2 раза, оставив сальдо торгового баланса положительным.

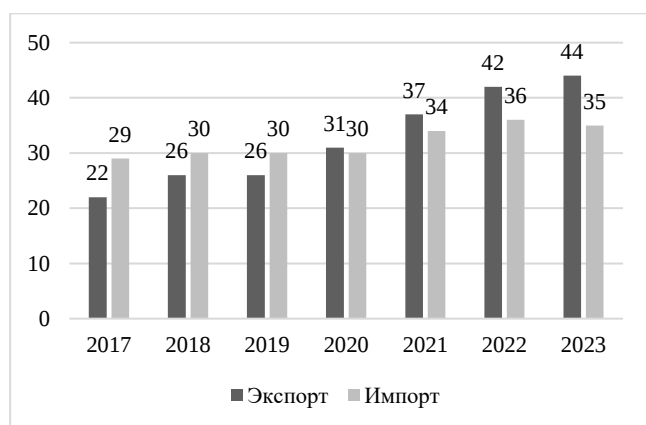

Рис. 1. Экспорт и импорт продукции агропромышленного комплекса Российской Федерации, 2017-2023 гг., млрд. долл. США

По итогам 2023 г. лидирующую позицию в структуре стоимостного объема экспорта заняли зерновые культуры, включая пшеницу, рис, овес и т.д. На эту категорию сельскохозяйственной продукции пришлось более 37% от общего объема экспорта продукции АПК РФ. На втором месте масложировая продукция, т.е. продукция, изготавливаемая на основе растительных и животных масел и жиров. Её доля в общем объеме экспорта страны в 2023 г. превысила 18%. Примерно равные доли составили такие категории сельскохозяйственной продукции как рыба и морепродукты, продукция пищевой и обрабатывающей промышленности – 12,5% и 11,5% соответственно [9].

В 2023 г. на российскую продукцию АПК приходилось чуть больше 2% мирового экспорта (в 2020 г. – 1,9%, в 2017 г. – 1,4%). По этому показателю РФ заняла 17 место в мире, уступив некоторым странам ЕС, США и Китаю [11].

Поставки продукции АПК осуществляются в более чем 150 стран мира. При этом, как было отмечено ранее, одной из главных мер, принятых государством после введения санкционной политики, стало переориентирование отечественных производителей на новые рынки сбыта. По состоянию на 2023 г. в число основных импортеров российской продукции АПК вошли:

- Китай – 7,6 млрд. долл. (в 2022 г. – 5,1 млрд. долл.);
- Турция – 5,0 млрд. долл. (в 2022 г. – 5,1 млрд. долл.);
- Республика Казахстан – 3,3 млрд. долл. (в 2022 г. – 3,4 млрд. долл.);
- Республика Беларусь – 2,8 млрд. долл. (в 2022 г. – 2,8 млрд. долл.);
- Египет – 2,5 млрд. долл. (в 2022 г. – 2,2 млрд. долл.) [10].

Анализируя динамику экспорта продукции АПК в 2022-2023 гг. в рамках торговых контрактов с выше представленными странами-партнерами, следует отметить, что объемы вывозимой из РФ продукции значительно увеличились в рассматриваемый период в Китай и Египет (прирост показателя 132,9% и 112% соответственно). При этом в 2022 г. в ТОП-5 стран-импортеров российской продукции АПК входил не Египет, а Южная Корея, объемы поставок в которую составили суммарно 2,3 млрд. долл. В 2023 г. объемы экспортируемой из РФ продукции АПК в эту страну снизились до 1,4 млрд. долл. (-39%), что обусловлено введенными в рамках санкционной политики санкционными мерами.

В 2023 г. среди российских регионов наибольшая доля в общем объеме экспорта продукции АПК РФ пришлась на Ростовскую область, объем экспорта которой составил 8514 млн долл. США, что превысило показатель 2022 г. на 13,8% (рис.2). В основном регион экспортировал пшеницу (63% от общего объема экспорта области) по таким направлениям как

Турция, Бангладеш и Пакистан. Также востребованным оказалось подсолнечное масло, которое в больших объемах импортировали африканские страны, в том числе Египет и Саудовская Аравия [10; 11].

На втором месте по объемам экспорта находится г. Москва, прирост объема поставок которой в период 2022-2023 гг. составил 123,4%. Специализацией города является пищевая и перерабатывающая промышленность. Также город является лидером по поставкам зерновых культур, чему активно способствует регистрация на территории г. Москвы крупнейших зерновых трейдеров, включая такие как Glencore, Cargill, Olam и другие.

Рис. 2. Основные регионы Российской Федерации по объему экспортных поставок продукции АПК, 2022-2023 гг., млн. долл. США

Регион, имеющий самую широкую географию поставок продукции АПК, — Краснодарский край, объем экспорта которого составил в 2023 г. 3046 млн. долл. Так, в число стран-импортеров продукции региона входят более 107 стран. Основной категорией, поставляемой Краснодарским краем продукции за рубеж, являются зерновые культуры [10].

К основным регионам, которые специализируются на поставках рыбной продукции относятся Приморский край, Камчатский край и Мурманская область. За исключением Камчатского края, который не только сохранил в условиях санкционного давления свои позиции, но и нарастил

объемы экспорта на 5,6%, в регионах наблюдалось снижение объемов поставок, что обусловлено закрытием рынков стран ЕС и сокращением экспорта в Южную Корею (снижение объемов экспортируемой Приморским краем продукции на 23,7% и Мурманской областью на 8,3%) [10].

Важно отметить, что на повышение экспортного потенциала АПК РФ, оказывают прямое воздействие реализующие на территории страны агрохолдинги, т.е. групп компаний, основным видом деятельности которых является производство, переработка, хранение и реализация сельскохозяйственной продукции.

В 2023 г. суммарная выручка 10 крупнейших агрохолдингов РФ составила более 1,6 трлн. руб., что превысило показатель 2022 г. на 16,2%. При этом российские агрохолдинги в рассматриваемый период нарастили объемы выручки, что свидетельствует об их стремительном развитии. Лидером по выручке в 2023 г., как и годом ранее, стал агрохолдинг группа компаний «Русагро». Так, объем его выручки превысил 277 млрд. руб. (прирост показателя относительно 2022 г. — 115%) [12](рис.3).

Рис. 3. Топ-10 агрохолдингов Российской Федерации, 2022-2023 гг., млрд. руб.

ГК «Русагро» специализируется на производстве и реализации таких категорий сельскохозяйственной продукции как сахар, свинина, масла и жиры, молочные продукты. География ее активов включает в себя 12 субъектов РФ, в том числе Белгородская, Тамбовская, Курская, Саратовская, Оренбургская, Тульская и другие области, что позволяет обеспечить региональную диверсификацию бизнеса. Поставки товаров осуществляются в 49 стран мира под такими брендами как «Мечта хозяйки», «Русский сахар», «Слово мясника», «Моп Safe» и т.д. Этот агрохолдинг играет важную роль в развитии АПК, что обусловлено стремительным увеличением объемов экспортируемой продукции.

Наряду с ГК «Русагро» активно наращивает объемы производства и продаж АПК «Мираторг», выручка которого в 2023 г. составила 256,8 млрд. руб., что превысило показатель предыдущего года на 24%. Продукция агрохолдинга реализуется на рынках более 40 стран, в число которых входят страны Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Замыкает тройку крупнейших агрохолдингов РФ лидер по производству мясной продукции – ГК «Черкизово». Выручка компании превысила в 2023 г. 226 млрд. руб. (прирост показателя относительно 2022 г. – 123%). Существенный прирост выручки обусловлен увеличением объемов экспорта продукции более чем на 15%. Основной категорией экспорта стало куриное мясо (8% относительно показателя 2022 г.), поставляемое преимущественно в государства-члены ЕАЭС. Объемы поставок в данном направлении увеличились более чем на 30%, в том числе в Республики Беларусь, Казахстан и Армению почти в 5 раз. Следует отметить, что лидером по экспорту мясной продукции из стран дальнего зарубежья является Китай.

Особую роль в повышении экспортного потенциала российского АПК играют инвестиционные проекты, общий объем инвестиций которых составил в 2023 г. более 1 трлн. руб. При этом около 26% от общего объема инвестиций направлены на развитие пищевой и перерабатывающей промышленности. Также в основные

сектора АПК по объему инвестиций вошли масложировая и мясная отрасли, на которые было выделено 195 млрд. руб. и 161 млрд. руб. соответственно. Так, по итогам 2023 г. на разных стадиях реализации находились 325 проектов, 36 из которых были выдвинуты регионами страны в течение 2023 г. Совокупный объем инвестиций экспортноориентированных проектов составил более 1 трлн. руб., это ниже показателя 2022 г. на 9%. Планируется, что по итогам реализации данных проектов к 2026 г. будет сформировано около 9,9 млрд. долл. экспортной выручки. При этом наибольшую долю в структуре экспортной выручке должны составить зерновая и масложировая отрасли – 42% и 32% соответственно. По прогнозам аналитиков, на пищевую и перерабатывающую промышленность в 2026 г. придется около 17% экспортной выручки [10].

Как отмечалось ранее, наряду с повышением экспортного потенциала, РФ в качестве основного направления развития АПК было определено наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции в целях насыщения внутреннего рынка и снижения зависимости от импортных поставок. В рамках достижения поставленной цели государством в 2023 г. была предоставлена финансовая поддержка в размере 544 млрд. руб., что превысило объем выделенных на поддержку специализирующихся в АПК организаций денежных средств годом ранее на 39%. Финансирование осуществляется по четырем государственным программам:

- госпрограмма развитие АПК;
- госпрограмма комплексное развитие сельских территорий;
- федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017-2030 гг.;
- госпрограмма эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса (улучшение гидрологических, почвенных и агроклиматических условий).

На сегодняшний день все субъекты сельскохозяйственной деятельности подразделяются на три категории – крестьянские хозяйства и ИП, хозяйства населения и сельскохозяйственные

организации. При этом наибольшая доля произведенной сельскохозяйственной продукции ежегодно приходится именно на сельскохозяйственные организации (в 2023 г. – 60% в общей структуре производства). Хозяйства населения в 2023 г. составили порядка 25%, соответственно, крестьянские хозяйства и ИП – 15%.

Анализ состояния и динамики развития внутреннего производства следует проводить в разрезе двух категорий – растениеводство и животноводство. Так, в 2023 г. от общего объема произведенной субъектами сельскохозяйственной деятельности продукции около 58% пришлось на продукцию растительного происхождения. Рассматривая структуру произведенной продукции животного и растительного происхождения, следует отметить следующее:

- сельскохозяйственными организациями было произведено 55% продукции растительного происхождения и 45% – животного;
- крестьянскими хозяйствами и ИП – 84% продукции растительного происхождения и 16% - животного;
- хозяйствами населения – 47% продукции растительного происхождения и 53% – животного [12].

Соответственно, из всех категорий хозяйств больший акцент на производстве и реализации продукции животного происхождения делают только хозяйства населения.

В период 2017-2023 гг. объемы внутреннего производства сельскохозяйственной продукции увеличились в 1,7 раза, составив в 2023 г. около 8538 млрд. руб. При этом в 2022-2023 гг. наблюдалось незначительное сокращение объемов производства сельхозпродукции, что обусловлено снижением объемов производства продукции растительного происхождения (-1,1%). При этом объем произведенной в 2023 г. продукции животного происхождения увеличился на 0,8% относительно показателя 2022 г. и на 31,2% относительно показателя 2017 г. [12].

Проводя анализ современного состояния внутреннего производства

сельского хозяйства РФ, необходимо рассмотреть динамику валового сбора основных сельскохозяйственных культур и производства продуктов животноводства, а также определить их долю в общем объеме производства. Так, в период 2017-2023 гг. наибольший удельный вес имели зерновые и зернобобовые культуры (24%). В 2023 г. на семена и плоды масличных культур пришлось 11,2%, овощи – 7,7%, картофель – 5,1%, фрукты, ягоды и орехи – 4% (рис. 4). Следует отметить, что 2022 г. стал рекордным по производству зерновых и зернобобовых культур – 157,6 млн. тонн (прирост показателя относительно 2021 г. – 130%), что обусловлено полученным урожаем зерна, который в чистом весе составил 153,8 млн. тонн (26,6% относительно показателя предыдущего года), в том числе пшеницы – 104,4 млн. тонн (в 2021 г. – 65,7 млн. тонн). В 2023 г. валовый сбор зерновых и зернобобовых культур достиг 145 млн. тонн, это ниже показателя предыдущего года на 8% [12]. Основными причинами отрицательной динамики стали неблагоприятная ценовая конъюнктура, повлекшая снижение доходности выращивания зерновых культур, что, в свою очередь, подтолкнуло аграриев к сокращению посевов. Не менее значимой причиной стали сравнительно неблагоприятные погодные условия, а именно низкая влажность в зимний период, предпосевная засуха и, соответственно, риски угнетения и вымерзания посевов.

Согласно данным Росстата о результатах деятельности российских предприятий, специализирующихся на производстве зерновых и зернобобовых культур, в 2023 г. можно выделить топ-5 регионов по уровню валового сбора. Лидерами по итогам 2023 г. стали регионы Южного Федерального округа – Ростовская область и Краснодарский край, валовый сбор зерновых и зернобобовых культур которых составил 161,7 млн. центнеров (прирост показателя относительно 2022 г. – 105,8%) и 139,9 млн. центнеров соответственно (относительно показателя 2022 г. – 90,5%). На третьем месте по валовому сбору данной категории сельскохозяйственных культур находился Ставропольский край – 91,4 млн. центнеров

(относительно показателя 2022 г. – 98,1%). Также в топ-5 регионов по итогам 2023 г. вошли Волгоградская и Воронежская области – 63,7 млн. центнеров и 62,8 млн. центнеров (в 2022 г. – 70,1 млн. центнеров и 69,1 млн. центнеров).

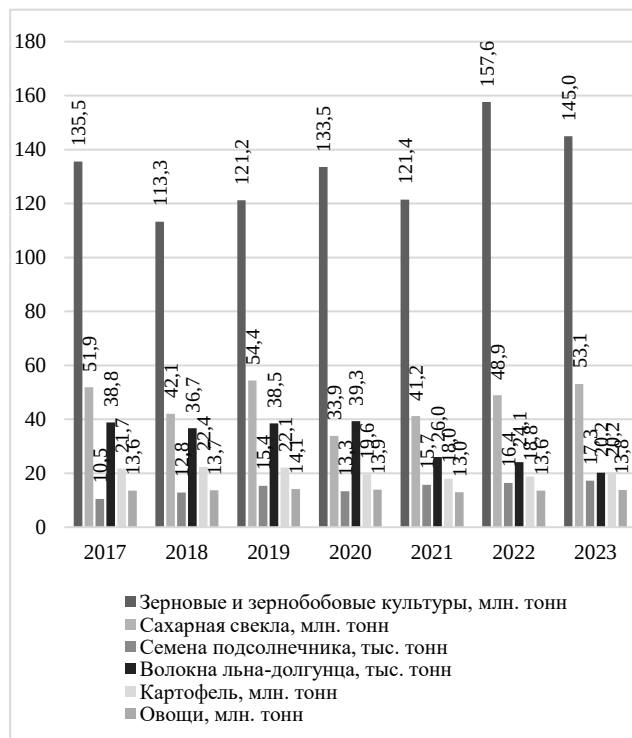

Рис. 4. Валовые сборы основных сельскохозяйственных культур в Российской Федерации, 2017-2023 гг.

Говоря о структуре реализуемых на внутреннем рынке продуктов животноводства, необходимо выделить такие категории как скот и птица (на убой), молоко и яйца, удельный вес которых составил в 2023 г. порядка 41% (23,4%, 14,1% и 3,5% соответственно (рис.5)).

В период 2017-2023 гг. объемы производства скота и птиц (на убой) увеличился на 1,7%, достигнув 12 млн. тонн (прирост показателя относительно 2022 г. и 2020 г. – 102,5% и 114,2% соответственно). При этом в общем объеме производства скота и птиц (на убой) наибольшая доля приходится на мясо птиц, объемы которого превысили в 2023 г. 5,3 млн. тонн (44% всего производства продуктов животноводства). Важно отметить, что лидером по темпам развития производства в рассматриваемый период стало производство свинины, доля которой составила около 39% в общей структуре

производства скота и птиц (на убой). Так, объемы производства мяса свинины в 2023 г. превысили 4,7 млн. тонн, что выше показателя предыдущего года на 3,9% и показателя 2017 г. на 16,6% [11; 12].

По итогам 2023 г. самыми «мясными» регионами в РФ стали [11]:

- Белгородская область – 1382,6 тыс. тонн (в 2022 г. – 1358,1 тыс. тонн);
- Курская область – 553,4 тыс. тонн (в 2022 г. – 533,3 тыс. тонн);
- Брянская область – 520,7 тыс. тонн (в 2022 г. – 441,3 тыс. тонн);
- Тамбовская область – 470,4 тыс. тонн (в 2022 г. – 485,9 тыс. тонн);
- Воронежская область – 365,6 тыс. тонн (в 2022 г. – 468,0 тыс. тонн).

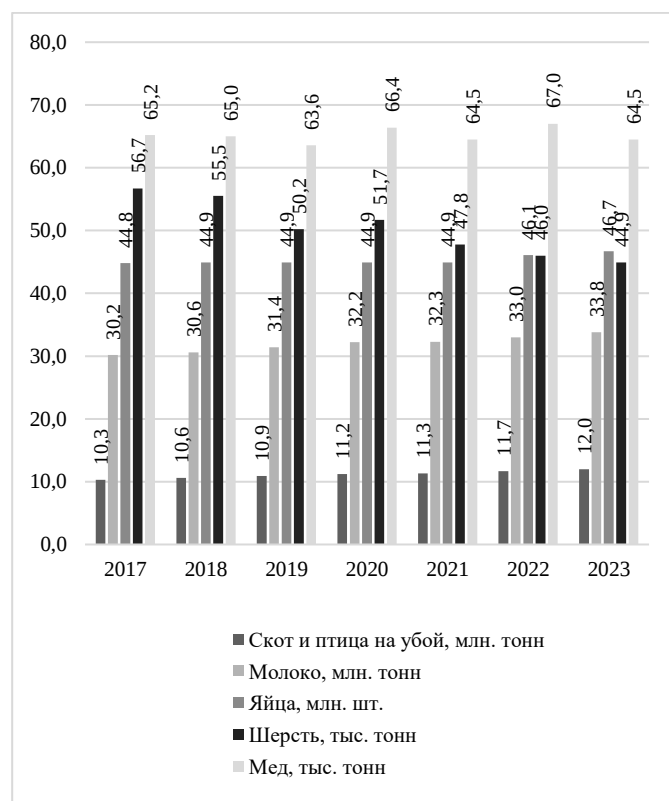

Рис. 5. Производство продуктов животноводства в Российской Федерации, 2017-2023 гг.

Самые высокие темпы роста объемов производства скота и птиц (на убой) зафиксировано в Брянской области – 118%. Пособствовала положительной динамике поддержка предприятий региона, специализирующихся в области животноводства и мясопереработки, со стороны местных органов власти. Большой вклад в развитие отрасли вкладывают крупнейшие агропромышленные

предприятия области, в число которых входят агропромышленный холдинг «Охотно», ООО «Брянский мясоперерабатывающий комбинат» и АО «Куриное Царство-Брянск» группы «Черкизово».

В 2017-2023 гг. объемы производства молока в РФ увеличились на 110,7%, составив в 2023 г. почти 34 млн. тонн (прирост показателя относительно показателя 2022 г. и 2020 г. – 102,4% и 104,7%). Говоря о производстве молока в 2023 г. в разрезе регионов, следует отметить, что абсолютным лидером стал Приволжский федеральный округ, объем производства регионов которого превысил 10,5 млн. тонн (31% от общего объема производства молока). Также в топ-3 федеральных округа по объему производства данной категории продуктов животноводства также вошли Центральный и Сибирский федеральные округа – 6,7 млн. тонн и 4,4 млн. тонн соответственно (19,8% и 13,0% от общего объема производства молока соответственно) [11; 12].

По итогам 2023 г. самыми «молочными» регионами РФ стали:

- Республика Татарстан – 2,2 млн. тонн. (в 2022 г. – 2,0 млн. тонн);
- Краснодарский край – 1,7 млн. тонн (в 2022 г. – 1,6 млн. тонн);
- Республика Башкортостан – 1,6 млн. тонн (в 2022 г. – 1,6 млн. тонн);
- Алтайский край – 1,1 млн. тонн (в 2022 г. – 1,1 млн. тонн);
- Ростовская область – 1,1 млн. тонн (в 2022 г. – 1,1 млн. тонн).

Отдельно следует отметить регион, который по итогам 2023 г. не вошел в пятерку самых «молочных» регионов, тем не менее стал лидером по наращиванию объемов производства молока в стране. Таким регионом стала Мурманская область – объем производства молока в 2023 г. составил 20,3 тыс. тонн, что превысило показатель 2022 г. на 34,2%. Резкий прирост показателя обусловлен внедрением «бережливых» технологий. Так, например в одном из крупнейших аграриев региона ГОУСП «Тулома» при поддержке экспертов Регионального центра компетенций был реализован проект по повышению эффективности надоев посредством

оптимизации процесса кормления крупного рогатого скота. Благодаря таким действиям время протекания процесса кормления уменьшилось в среднем на 70 минут, что позволило увеличить выработку, т.е. количество накормленных животных в час.

Еще одной категорией продуктов животноводства, объемы производства которой в 2017-2023 гг. показали положительную динамику в РФ, стали яйца (прирост показателя – 104,1%). В топ-5 регионов по объему производства яиц в 2023 г. вошли [12]:

- Ленинградская область – 3496, 2 тыс. тонн (в 2022 г. – 3545,1 тыс. тонн);
- Ярославская область – 2316,7 тыс. тонн (в 2022 г. – 2254,6 тыс. тонн);
- Челябинская область – 1643,0 тыс. тонн (в 2022 г. – 1662,0 тыс. тонн);
- Свердловская область – 1641,7 тыс. тонн (в 2022 г. – 1616,2 тыс. тонн);
- Ростовская область – 1629,7 тыс. тонн (в 2022 г. – 1673,6 тыс. тонн).

Вместе с тем, в 2023 г. объемы производства яиц в топ-5 регионов страны остались примерно на том же уровне, что и годом ранее.

Важнейшим показателем, отражающим способность государства производить необходимый для населения объем продукции, является уровень самообеспечения (рис. 6).

Рис. 6. Уровень самообеспечения основными категориями продуктов питания в Российской Федерации, 2023 г., %

Говоря об уровне самообеспечения, следует понимать показатель, отражающий степень независимости государства от импортных поставок. Так, в случае, когда

объемы отечественного производства превышают уровень фактического потребления (включая импортируемую продукцию) уровень самообеспечения будет больше 100%, что говорит о гарантированной независимости в обеспечении продовольственной безопасности по конкретным группам сельскохозяйственных товаров. В 2023 г. такими категориями товаров стали масло растительное, зерно, рыба и морепродукты, мясо и сахар. Критически низкий уровень самообеспечения фиксируется по производству фруктов и ягод – 47%. Это свидетельствует о том, что внутренний рынок зависим от импортных поставок.

Одним из вызовов мирового масштаба является увеличение объемов производства продовольствия. Такая необходимость связана со стремительным ростом населения мира, которое к 2050 г. (по прогнозам ООН) достигнет 9,8 млрд. человек. Объем мирового продовольствия должен быть увеличен минимум на 70%, что возможно только посредством модернизации сельского хозяйства. В качестве инструмента развития АПК выступают цифровые технологии, которые активно внедряются в деятельность агрохолдингов по всему миру.

Говоря о РФ, следует отметить, что на цифровизацию АПК в 2024 г. в целях повышения эффективности и конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства в условиях современных технологических вызовов выделено более 3 млрд. руб. На сегодняшний день цифровизация охватывает только 30% агрохолдингов РФ. Планируется, что этот показатель увеличится к 2027 г. до 75% [12]. Внедрение цифровых технологий в деятельность предприятий рассматривается как метод решения существующих проблем, основными из которых являются трудоемкость сельскохозяйственных процессов, сложность управления, планирования, мониторинга и прогнозирования результатов сельскохозяйственной деятельности (включая объемы производства продукции растительного и животного происхождения). Действующие

агрохолдинги инвестируют в основном в такие цифровые решения как цифровые поля, автоматическое планирование севооборота, цифровой агроскаутинг для выявления проблемных областей, управление поголовьем скота, а также оптимизацию сроков сбыта продукции.

Одним из трендов цифровизации сельского хозяйства выступают датчики и интернет вещей. Их внедрение в сельскохозяйственные процессы призваны повысить точность мониторинга и анализа текущего состояния отдельных секторов АПК. Датчики, устанавливаемые в почве, растениях и животных способны передавать информацию об их состоянии, а именно влажности почвы, уровне урожайности, состоянии животного и т.д. Соответственно, их использование в работе агрохолдингов позволит с минимальными временными и материальными издержками выявить существующие проблемные области, а также повысить точность прогнозируемых результатов.

Наиболее популярными технологиями выступают сельскохозяйственные беспилотные летательные аппараты и умные теплицы. Говоря о беспилотных летательных аппаратах, следует понимать наземные и воздушные дроны, целью внедрения которых является улучшение различных методов ведения сельского хозяйства. Так, главной функцией дронов является сбор и обработка информации о состоянии объектов сельскохозяйственной деятельности путем формирования мультиспектральных, тепловых и визуальных изображений. На основе полученных данных создаются 3D-модели и фотографических план местности. Значимость такого цифрового решения также подтверждается поддержкой со стороны Министерства сельского хозяйства РФ, которое предоставляет льготные кредиты на закупку беспилотников предприятиями, специализирующимися в данной области.

«Умные» теплицы также активно используются российскими предприятиями АПК. Следует отметить, что тепличное хозяйство, представляющее собой методологию по повышению урожайности, предполагает осуществление контроля

параметров окружающей сельскохозяйственной культуры среды. При этом «умные» теплицы позволяют контролировать климат без вмешательства со стороны человека. Таким образом, используемые «умными» теплицами датчики IoT позволяют управлять уровнем освещенности, давления, влажности и температуры, оказывая непосредственное влияние на состояние овощей, фруктов и иных сельскохозяйственных культур, создавая условия для повышения уровня урожайности.

Вторым трендом цифровизации сельского хозяйства является искусственный интеллект, который лежит в основе создания так называемых «умных» ферм (Smart Farm). «Умные» фермы представляют собой концепцию, в которой все или большая часть управления сельскохозяйственными процессами передана современным информационным технологиям. Значимость и преимущества таких ферм заключаются в том, что благодаря использованию искусственного интеллекта достигается оптимизация используемого физического труда сотрудников, а также повышение объемов и качества получаемой продукции (таблица 1).

«Умные» фермы являются одним из приоритетных направлений развития АПК РФ, так как позволяет повысить эффективность осуществляемой в рамках сельскохозяйственной деятельности процессов, начиная от посева, заканчивая сбором урожая, посредством использования автоматизированных систем на основе искусственного интеллекта, а также внедрению робототехники.

На сегодняшний день в российском АПК внедрена и активно используется автоматизированная система на основе искусственного интеллекта – Cognitive Agro Pilot, предполагающая автономное управление комбайнами и другой техникой, без вмешательства со стороны человека. Система анализирует поступающие с видеорекама изображения и с использованием искусственного интеллекта определяет тип и положения конкретных объектов по ходу движения, выстраивая тем

самым траектории движения техники, передавая ей необходимые команды.

Таблица 1. Ключевые технологии «умных» ферм

Наименование технологии	Цель использования	Механизм действия
«Умный» посев	Обеспечение оптимального роста сельскохозяйственных культур посредством контроля посадки семян на правильную глубину и разнесение растений на необходимое расстояние друг от друга	Комбинирование картографических данных, включающих качество почвы, ее плотность, влажность и уровень питательных веществ
«Умный» полив и орошение	Мониторинг уровня влажности и состояния растений	Регулирование мощности и частоты подземного капельного орошения
«Умная» прополка	Повышение плодородия почвы путем борьбы с нежелательными растениями и вредителями	Прополка и контроль состояния Smart Farm роботами, перемещающимися посредством спутникового GPS и наделенными системами визуализации, посредством которых происходит распознавание флуоресцентного красителя, которым покрываются семена при посадке в целях выявления «чужеродных» культур
«Умный» сбор урожая	Повышение темпов сборки урожая с учетом сокращения физических затрат работников	Сбор урожая, например, фруктов с деревьев, запрограммированными роботами (комбайнами)

В 2024 г. в РФ в работу были внедрены более 1000 «умных» комбайнов. Важно отметить, что система Cognitive Agro Pilot используется во многих регионах страны, начиная от регионов Северо-Западного федерального округа, заканчивая регионами Дальневосточного федерального округа.

В 2024 г. активно в сельскохозяйственном секторе страны используются цифровые двойники. Преимуществом этого цифрового решения является возможность мониторинга сельскохозяйственных процессов в режиме реального времени. Механизм работы цифровых двойников предполагает моделирование процессов производства, произведение расчетов, проверку гипотез и прогнозирование. Таким образом, их повсеместное внедрение в работу АПК РФ является необходимой мерой, так как благодаря цифровым двойникам становится возможным делать более точные прогнозы состояния сельскохозяйственной отрасли, в том числе уровня урожайности, с учетом влияющих на нее внешних факторов.

Отдельно следует выделить такую инновационную технологию, внедряемую не только в сектор сельского хозяйства, но и многие другие отрасли экономики – BigData. Как и цифровые двойники, BigData используется в целях анализа и прогнозирования. Так, BigData или большие данные представляют собой цифровое пространство, в котором хранятся большие объемы информации, необходимые для разработки стратегий развития того или иного сектора АПК, а также прогнозов с учетом нынешней ситуации и факторов, которые в краткосрочной перспективе могут повлиять на объемы производства. Иными словами, большие данные используются в сельском хозяйстве в целях предоставления предпринимателям аналитической информации, от своевременности и точности предоставления которой зависит возможность улучшения работы предприятия.

Еще одним трендом цифровизации сельского хозяйства является геоаналитика, которая является одним из наиболее эффективных инструментов BigData и представляет собой автоматизированные

информационные системы, позволяющие проводить мониторинг сельскохозяйственных площадей для оценки факторов, влияющих на уровень урожайности, включая анализ параметров посевов, влажности почвы, необходимый объем удобрений и многие другие. В основе этой составляющей BigData лежат GPS-навигаторы, технологии гидрологического модулирования и т.д. Примером такого цифрового решения является «Агроаналитика», т.е. система управления агропредприятием. Программное решение позволяет производить сбор и обработку больших объемов данных с техники, используемой в сельскохозяйственных процессах, для прогнозирования урожайности. Данное цифровое решение используют многие российские компании, включая ООО «Русская аграрная группа», ГК «Мираторг» и т.д.

В число основных цифровых решений, внедряемых в АПК, также входят мобильные приложения и платформы, используемые для развития агробизнеса. Так называемые агромаркетплейсы выступают электронной торговой площадкой для электронной коммерции в сфере сельского хозяйства. Создание таких платформ призвано повысить прозрачность рынка, а также упростить процесс покупки и реализации с помощью оказания консультационных, консалтинговых и иных видов услуг. На мировой арене мобильные приложения как инструмент развития агробизнеса демонстрируют высокую результативность. Крупнейшими мировыми агромаркетплейсами являются «Agrostar», «Piinduoduo», «Ofbia», «Yagro» и «Agrofy». Говоря о России, следует отметить, что в последние несколько лет ведутся разработки и моделирование таких цифровых платформ. Так, на российском рынке был запущен бесплатный цифровой продукт – Цена зерна. Данная платформа позволяет цифровизировать весь процесс купли-продажи – от заключения контракта до подписания актов сверки. Приложение «Цена зерна» доступно в 2024 г. на всех программных обеспечениях – Android и iOS.

Таким образом, использование цифровых решений в деятельности

агрохолдингов РФ позволит повысить уровень экспортного потенциала российского агропромышленного комплекса, укрепив тем самым позиции страны на мировом рынке. Также внедрение цифровых технологий способствует оптимизации производственных процессов, минимизируя временные и материальные издержки, а также повышая рациональность использования человеческого капитала предприятий.

Заключение

Несмотря на возникшие в результате введения в отношении Российской Федерации санкционной политики ограничения, агропромышленный комплекс страны не только сохранил «досанкционный» уровень, но и нарастил объемы производства и реализации сельскохозяйственной продукции. Говоря об экспортном потенциале данного сектора национальной экономики, следует отметить, что укреплению позиций на мировой арене поспособствовало быстрое переориентирование отечественных предприятий на новые рынки сбыта. Так, направления поставок было изменено с европейского на азиатский. Крупнейшими импортерами российской продукции агропромышленного комплекса в 2023 г. стали Китай, Турция, Египет, а также страны ЕАЭС, а именно Республики Казахстан и Беларусь.

Положительная динамика наблюдалась также по внутреннему производству сельскохозяйственных культур и продукции животноводства. В качестве мер поддержки выступили государственные программы АПК, комплексного развития сельских территорий, федеральная программа развития 2017-2023 гг., а также госпрограмма эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса. Особая роль в развитии внутреннего производства отводится агрохолдингам, крупнейшими из которых являются ГК «Русагро», АПХ «Мираторг» и ГК «Черкизово». Важно отметить, что все они имеют мясную специализацию.

Активно способствуют развитию российского агропромышленного комплекса цифровые технологии, главной целью использования которых является оптимизация и модернизация производственных процессов и, как следствие, наращивание объемов производства и реализации различных категорий сельскохозяйственной продукции. Основными трендами цифровизации сельского хозяйства являются датчики и интернет вещей, беспилотные летательные аппараты, искусственный интеллект и Smart Farm, цифровые двойники и BigData, а также мобильные приложения и платформы, используемые для развития агробизнеса.

Список литературы

1. Анопоченко Т.Ю., Ветрова Е. В. Основные тенденции и факторы развития агропромышленного комплекса РФ на современном этапе // Региональная и отраслевая экономика: Экономические науки. – 2024. – №2 (231). – С. 41-46.
2. Соломенников А.Е., Кузнецова О.А. Обзор Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №9 (147) [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.107> (дата обращения: 07.12.2024).
3. Немытых С.Л., Баскакова И.В. Эффекты санкционного воздействия на аграрный сектор Российской Федерации // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов XVII Международной конференции. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур». – 2023. – С. 798-803.
4. Сулимин В.В. Перспективы развития агропромышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Столыпинский вестник. – 2023. – №5. – С. 2404-2410.
5. Тихомиров А.И., Фомин А.А. Государственная поддержка АПК России: основные тенденции и социально-экономическое значение // Международные сельскохозяйственный журнал. – 2024. – Т.67. – №2 (398). – С. 121-125.
6. Хомяков Д.М. Значение, роль и перспективы и законодательное обеспечение

государственной поддержки российского АПК// Материалы Парламентских слушаний на тему «Законодательное обеспечение повышения доходности и рентабельности сельскохозяйственного производства». Москва: Евразийский центр по продовольственной безопасности МГУ им. М. В. Ломоносова. – С.9-12 [Электронный ресурс]. URL:

<https://ecfs.msu.ru/resources/analitics/znachenie-roli-i-perspektivy-i-zakonodatelnoe-obespechenie-gosudarstvennoj-podderzhki-rossijskogo-apk> (дата обращения: 07.12.2024).

7. Погребная Н.В., Барышева Д.Н., Ламазян Л.С., Плаксий В.В. Цифровая трансформация в сельском хозяйстве: проблемы и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 9-1. – С. 118-123.
8. Лепехина Ю.А., Грасс Е.Ю. Состояние, основные тренды и проблемы цифрового развития агропромышленного комплекса Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №10 (148) [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.71> (дата обращения: 07.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.148.71>
9. Каманина А.Н. Современные тренды цифровой трансформации экономической деятельности сельского хозяйства: анализ отечественной и мировой практики // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15 – №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/26FAVN323.pdf> (дата обращения: 07.12.2024).
10. Российский экспорт // Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России [Электронный ресурс]. URL: <https://aemcx.ru/export/rusexport/> (дата обращения: 07.12.2024).
11. Обзор конъюнктуры аграрного рынка // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://specagro.ru/news> (дата обращения: 07.12.2024).
12. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения: 07.12.2024).

References

1. Anopchenko T.Yu., Vetrova E. V. (2024) Osnovnyye tendentsii i faktory razvitiya agropromyshlennogo kompleksa RF na sovremennom etape [The main trends and factors of the development of the agro-industrial complex of the Russian Federation at the present stage]. *Regionalnaya i otraslevaya ekonomika: Ekonomicheskiye nauk Regional and sectoral economics: Economic sciences*, №2 (231), 41-46.
2. Solomennikov A.E., Kuznetsova O.A. (2024) Obzor Strategii razvitiya agropromyshlennogo i rybokhozyaystvennogo kompleksov Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Review of the Strategy for the development of agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal International Scientific Research Journal*, №9 (147) [Electronic source]. URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.107> (Date of access: 07.12.2024).
3. Unwashed S.L., Baskakova I.V. (2023) Effekty sanktsionnogo vozdeystviya na agrarnyy sektor Rossiyskoy Federatsii [Effects of sanctions on the agricultural sector of the Russian Federation] / Rossiyskiye regiony v fokuse peremen: Sbornik dokladov XVII Mezhdunarodnoy konferentsii Russian regions in the focus of change: A collection of reports of the XVII International Conference, 798-803.
4. Sulimin V.V. (2023) Perspektivy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy [Prospects for the development of the agro-industrial complex of Russia in the context of economic sanctions]. *Stolypinskiy vestnik Stolypin Bulletin*, 5, 2404-2410.
5. Tikhomirov A.I., Fomin A.A. (2024) Gosudarstvennaya podderzhka APK Rossii: osnovnyye tendentsii i sotsialno-ekonomicheskoye znachenie [State support of the agro-industrial complex of Russia: main trends and socio-economic significance]. *Mezhdunarodnyye selskokhozyaystvennyy zhurnal International Agricultural Journal*, №2 (398), 121-125.
6. Khomyakov D.M. (2023) The significance, role and prospects and legislative provision of state support for the Russian agro-industrial complex. *Materialy Parlamentskikh slushaniy na temu «Zakonodatelnoye obespecheniye povysheniya dokhodnosti i rentabelnosti selskokhozyaystvennogo proizvodstva»*

- Materials of the Parliamentary hearings on the topic «Legislative support for increasing the profitability and profitability of agricultural production»*, 9-12 [Electronic source]. URL: <https://ecfs.msu.ru/resources/analitics/znachenie-rol-i-perspektivy-i-zakonodatelnoe-obespechenie-gosudarstvennoj-podderzhki-rossijskogo-apk> (Date of access: 07.12.2024).
7. Pogrebnaya N.V., Barysheva D.N., Lamazyan L.S., Plaksiy V.V. (2022) Tsifrovaya transformatsiya v selskom khozyaystve: problemy i perspektivy [Digital transformation in agriculture: problems and prospects]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 9, 118-123.
 8. Lepekhina Yu.A., Grass E.Yu. (2024) Sostoyaniye. osnovnyye trendy i problemy tsifrovogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii [The state, main trends and problems of digital development of the agro-industrial complex of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal International Scientific Research Journal*, 10 (148) [Electronic source]. URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.71> (Date of access: 07.12.2024).
 9. Kamanina A.N. (2023) Sovremennyye trendy tsifrovoy transformatsii ekonomicheskoy deyatel'nosti selskogo khozyaystva: analiz otechestvennoy i mirovoy praktiki [Modern trends of digital transformation of economic activity in agriculture: analysis of domestic and world practice]. *Vestnik evraziyskoy nauki Bulletin of Eurasian Science*, 3 [Electronic source]. URL: <https://esj.today/PDF/26FAVN323.pdf> (Date of access: 07.12.2024).
 10. Russian export. Federal Center for export development of agricultural products of the Ministry of Agriculture of Russia [Electronic source]. URL: <https://aemcx.ru/export/rusexport/> (date of access: 07.12.2024).
 11. Review of the agricultural market conjuncture. Ministry of Agriculture of the Russian Federation [Electronic source]. URL: <https://specagro.ru/news> (Date of access: 07.12.2024).
 12. Agriculture, hunting and forestry. Federal State Statistics Service [Electronic source]. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (Date of access: 07.12.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Алексей Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика предприятия», Институт финансов, экономики и управления; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; e-mail: agbaranov@mail.sevsu.ru (ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Гаджиев Магомедрасул Магомедович – д.э.н., профессор, профессор кафедры менеджмента, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия, ra9898@mail.ru

Гармашова Елена Петровна – кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Экономика предприятия», Институт финансов, экономики и управления; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; e-mail: ergarmashova@mail.sevsu.ru (ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Гундорова Марина Александровна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика инноваций и финансы», ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; РФ, 600005, г. Владимир, ул. Горького 79; e-mail: mg82.82@mail.ru, Orcid: 0000-0001-6855-9749, Spin-код: 4507-3134.

Котляров Иван Дмитриевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент, Высшая школа сервиса и торговли; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru.

Лопатина Таисия Анатольевна – ассистент, кафедра «Экономика предприятия», Институт финансов, экономики и управления; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный

университет»; e-mail: talopatina@mail.sevsu.ru (ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Магомедова Марьям Ахмедовна – аспирант кафедры менеджмента, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия, digitaltwindm20@gmail.com.

Пунга Дарья Владимировна – ассистент, кафедра «Экономика предприятия», Институт финансов, экономики и управления; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; e-mail: dvpunga@mail.sevsu.ru (ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Скараник Станислава Степановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Туризм, сервис и гостиничный бизнес», Институт развития города, Севастопольский государственный университет; e-mail: stanislava1307@mail.ru (Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Швец Екатерина Анатольевна – экономист 1 категории; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Смоленской области; e-mail: shvets.ekaterina1209@mail.ru. (Тенишевой, 17А, г. Смоленск, Российская Федерация, 214014).

Щербакова Светлана Александровна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии; Смоленский государственный университет; e-mail: sollos@mail.ru. (Пржевальского, 4, г. Смоленск, Российская Федерация, 214000); доцент кафедры «Туризм, сервис и гостиничный бизнес», Институт развития города; Севастопольский государственный университет; e-mail: sollos@mail.ru. (Университетская, 33, г. Севастополь, Российская Федерация, 299053).

Information about authors

Baranov Aleksey Gennad'evich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Enterprise Economics, Institute of Finance, Economics and Management; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University»; e-mail: agbaranov@mail.sevsu.ru (st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Gadzhiev Magomedrasul Magomedovich – doctor of economics, professor, professor of the department of management, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, e-mail: Russia; ra9898@mail.ru.

Garmashova Elena Petrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Enterprise Economics, Institute of Finance, Economics and Management; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University»; e-mail: epgarmashova@mail.sevsu.ru (st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Gundorova Marina Alexandrovna – Candidate of Economic Sciences, senior lecturer, Head of the Department «Economics of Innovation and Finance», Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs; 79, Gorky st., Vladimir, 600005, Russian Federation; Email address: mg82.82@mail.ru; Orcid: 0000-0001-6855-9749, Spin-code: 4507-3134.

Kotliarov Ivan Dmitrievich – Cand.Sc. (Economics), Associate Professor, Associate Professor, Graduate School of Service and Trade; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru.

Lopatina Taisiya Anatol'evna – assistant, Department of Enterprise Economics, Institute of Finance, Economics and Management; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol

State University»; e-mail: talopatina@mail.sevsu.ru (st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Magomedova Maryam Akhmedovna – Ph.D. student, Management Department, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia, e-mail: digitaltwindm20@gmail.com.

Punga Darya Vladimirovna – assistant, Department of Enterprise Economics, Institute of Finance, Economics and Management; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University»; e-mail: dvpunga@mail.sevsu.ru (st. Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Shcherbakova Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geography; Smolensk State University; e-mail: sollos@mail.ru. (Przheval'skogo, 4, Smolensk, Russian Federation, 214000); Associate Professor of the Department of Tourism, Service and Hotel Business, Institute for Urban Development; Sevastopol State University; e-mail: sollos@mail.ru. (Universitetskaya, 33, Sevastopol, Russian Federation, 29905).

Shvets Ekaterina Anatolyevna – Economist of the 1st category; Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Smolensk region; e-mail: shvets.ekaterina1209@mail.ru. (Tennisheva 17a, Smolensk, Russian Federation, 214014).

Skaranik Stanislava Stepanovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism, Service and Hotel Business, Institute of City Development, Sevastopol State University; e-mail: stanislava1307@mail.ru (Universitetskaya St., 33, Sevastopol, Russian Federation, 299053).

Научное издание

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

2024 • Том 10 • №4

ECONOMY AND MANAGEMENT:

THEORY AND PRACTICE

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Vol. 10 • No4 • 2024

Учредитель и издатель:

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

Адрес редакции:

ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация
E-mail: snteutp@mail.ru

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56628

Сборник зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС 77 – 64119 от 25.12.2015 г.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнения, высказываемые авторами в публикуемых статьях, не всегда совпадают с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Экономика и управление: теория и практика» обязательна.

Все поступившие в редакцию статьи подлежат рецензированию.

Подписано в печать 24.12.2024 г.

Выход в свет 24.01.2025 г.

Формат 60×84/8. Усл. печат. листов 8,55

Тираж 500 экз. Издательский № 14/2024. Заказ № 13/2024.

Отпечатано с готового оригинал-макета на полиграфической базе редакционно-информационного издательского центра – медиацентра ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», ул. Университетская, 33, Севастополь, 299053